

Непреодолимая СИЛА

Николай Антонец

Николай Антоненц
Непреодолимая сила

«Издательские решения»

Антонец Н. А.

Непреодолимая сила / Н. А. Антонец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833838-0

Молодой солдат на службе могущественной и агрессивной империи всегда был послушной деталью её военного механизма — до тех пор, пока не столкнулся с целой серией обстоятельств неодолимой силы, каждое из которых определило его дальнейшую жизнь раз и навсегда. Рука об руку с маленькой беженкой, осиротевшей по его вине, солдат должен будет пойти против себя, собственных убеждений и целого государства — чтобы выяснить, способен ли обыкновенный человек бросить вызов судьбе и победить.

ISBN 978-5-44-833838-0

© Антонец Н. А.
© Издательские решения

Содержание

1. Рейд	6
2. Майя	18
3. Конфликт	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Непреодолимая сила

Николай Антонец

Оформление Лидия Антонец

© Николай Антонец, 2017

ISBN 978-5-4483-3838-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Рейд

Вокруг меня, дыша свежестью и яркими, сочными красками, раскинулось широкое травянистое поле, волнующееся под лёгкими касаниями ветра. Прикрытое сверху одеялом неба и подчёркнутое тут и там возвышающимися шапками древесных крон, оно насыщало воспоминаниями о тихой радости детства, внушало необъяснимый покой, от которого становилось так тепло на душе. Аромат упоённости – как бывает сразу после дождя – устремлялся к лазурному небосводу, теряясь среди белых барашков-облаков. И где-то там, вдалеке, всё отчётливее можно было разобрать звуки прекрасной мелодии – мягкой, спокойной, бережно обволакивающей каждую травинку и каждое деревце на своём пути. Музыка эта текла умиротворяющей рекой, и, словно бы повинувшись её мелодичному зову, я тронулся с места. Двинулся навстречу далёкому горизонту, выгнувшемуся дугой, сквозь высокие – по колено – заросли молодой травы. Обезоруживающее спокойствие навевало лёгкую дремоту, но я не спешил бороться с ней – скорее даже наоборот, поддался лёгкой рассеянности и позволил телу двигаться дальше без участия разума. Справа, будто бы появившись прямо из воздуха, вдруг возникло невысокое деревце с широко раскинутыми ветвями, и я на миг задержался в нескольких шагах от него. Ствол дерева был тронут болезнью, а многие ветки начали засыхать – за считанные секунды, прямо перед моими глазами – и далёкая музыка тут же заиграла чуть громче, будто бы силясь развеять моё сочувствие по отношению к умирающей частице природы.

Мелодия заполнила весь окружающий мир, смешав воедино синеву небес и бескрайнюю зелень полей. Ударила под небеса, по-прежнему сохраняя свою глубокую красоту, но, в то же время, с каждой секундой приобретая всё большую силу. Они побуждали меня к действию, эти складывающиеся в единую композицию ноты, призывали двигаться вперёд, не задерживаясь на месте...

Подчинившись, я сделал робкий шаг вперёд, в сторону от дерева, но тут же обернулся и, обнаружив в своей руке конец старенького садового шланга, окатил понурую крону струёй чистой холодной воды. И корявые ветви сразу же начали оживать: там, где секунду назад мне виделись сухие трещины и мёртвые побеги, теперь распускались прекрасные синеватые бутоны.

Удовлетворённо кивнув самому себе, я продолжил свой путь к источнику чудной мелодии, поливая из шланга всё, что видел вокруг – и там, где вода касалась земли, травы или деревьев, моментально появлялись искрящиеся россыпи капель, так похожие на свежую утреннюю росу. А потом над полем начала подниматься радуга – милая и простая, но всё равно притягивающая к себе взгляд. Прекрасная, как и всё в этом мире. Едином, неделимом и священном мире, созданном ради Неё...

Её императорского высочества, миледи Авроры.

Одно упоминание этого имени – даже вскользь, в уме, – заставило меня задержать дыхание от восторга. А затем, когда воздух всё-таки нашёл путь в мои лёгкие, в нём уже не было былой свежести и чистоты. Запах бескрайнего поля стал слабее, а на фоне его всё чётче проскальзывали отголоски нарастающей вони: в ноздри мои бил запах палёного. Жжёной древесины. Плавящегося металла. И горящей плоти.

Я закашлялся. Попытался закрыть рот и нос ладонями – но это не помогло. Омерзительный смрад пробивался сквозь полупрозрачные пальцы и всё увереннее находил дорогу по моему горлу. Слезы брызнули из моих глаз, а у основания языка встал противный ком дурноты...

И тут же, будто бы теряя силы без моего внимания и контроля, начала разрушаться картина прекрасного зелёно-синего мира. Сперва она подёрнулась лёгкой дымкой, а потом и вовсе начала расплываться, обретая подчас довольно жуткие черты. Напоминало галлюци-

нацию из наркотического бреда: голубые небеса, содрогаясь, становились всё темнее с каждым мгновением, тяжелели, нависая сверху сплошным куском обсидианового стекла, а земля наоборот – наливалась новыми безумными красками, хвалилась тысячами оттенков красного и жёлтого, смешивая их в совершенно невероятных, как могло показаться, сочетаниях. Уроливо скрючившиеся деревья начали меняться в форме: разрослись вширь и вверх, заполнив собой всё доступное пространство. Ещё секунда – и они превратились в остовы пылающих деревянных построек, уже почти готовых сложиться внутрь самих себя, подобно карточным домикам... А там, где существовала россыпь водяных капель из иллюзии – теперь бушевало пламя высокого пожара, изрыгающее в ночные небеса потоки чёрного пепельного снега. Да и шланга в моей руке больше не было – вместо него был внушительный огнемёт, встроенный в тяжёлую латную перчатку.

Противно взвизгнув в последнем болезненном крещендо, божественная мелодия умерла последней, окончательно похоронив последние следы недавней солнечной иллюзии.

– Проклятье!.. – выкрикнул я, давась удушливой вонью. – Неужели опять?..

Перед глазами моими начали выстраиваться ровные графики и схемы, сопровождаемые множеством технических изображений. Одно из них – уже хорошо мне знакомое – отображало состояние основных дыхательных фильтров, встроенных в бронированный механический доспех. Половина из них была забита, другая – просто не справлялась с чудовищным объёмом работы, и потому внутренность моего скафандра всё быстрее заполнялась смрадом сжигаемых зданий и мёртвых тел.

Коротким мысленным приказом я перекрыл доступ воздуха извне и подключил броню к внутренним резервам кислорода. С едва заметным шипением высокотехнологичный костюм выпустил из себя летучие загрязнения, и, спустя секунду, позволил мне вдохнуть свободно. Хотя избавить меня от скверного привкуса во рту ему было не под силу – и это откровенно раздражало.

– Что там у тебя, Марк? – раздался в ухе придавленный воем огнемётов голос Кирилла, руководителя операции и единственного человека в отряде, кого я мог бы с уверенностью назвать своим боевым товарищем. – Снова фильтры?

– Да, – мрачно отозвался я, залив струёй пламени покосившийся остов небольшого одноэтажного домика. – Опять засорились.

– И как аромат? – Кирилл негромко усмехнулся. – Помнится, кто-то из наших говорил, что после нас ещё несколько дней никто не может войти в сектор – вонь чуть ли не с ног сбивает.

– Им можно верить, – я хмыкнул в ответ, пытаюсь удержать в уме последние нити ускользающей иллюзии. Проклятая поломка оборвала моё путешествие по сказочному полю на середине, и повторно скрадывать чёрную реальность за фальшивой маской мне уже не очень-то хотелось.

Мы двигались по небольшой деревушке – слабому очагу старины в большом современном мире – впятером. Пять зашитых в броню солдат, увешанных оружием, проходили по кривым дорожкам и сквозь стены домиков с одинаковой лёгкостью, оставляя после себя только пепел и прах. Такова была задача, поставленная перед нами Императором во славу Её Высочества Авроры – истребить всё и вся на пути победоносной имперской армии. Сровнять с землёй сам жизненный уклад противника, вбить его в грязь и придавить сверху кованым сапогом.

Потому что так было нужно.

Потому что иначе не могло быть.

Мне откровенно повезло быть частью этого могучего передового отряда, оператором экзоскелета – самодвижущегося доспеха высотой в два с половиной метра и оснащённого всем, что только могло понадобиться солдату на поле боя. Повезло родиться подданным Империи. Повезло вступить в армию и нести Истину во имя Её и в Её честь...

Я был солдатом веры. Солдатом праведного пути. И то, что мы делали – никак нельзя было назвать геноцидом или даже простым убийством. Мы действовали без объявления войны – потому что человек не заявляет о своих намерениях насекомому, которое намеревается уничтожить – и без малейших сожалений о выжигаемых километрах земли: когда Империи понадобится новообретённая территория – её просто поднимут из пепла. Заселят заново и возродят с мастерством, недоступным прошлым владельцам. В этом была эффективность. В этом была истина.

Закованные в доспехи, подключаемые непосредственно к нервной системе, мы с отрядом Кирилла – и десятками подобных отрядов – шли по территории собственного дома, вычищая с неё весь человеческий мусор. Как и было положено рачительным хозяевам. Мы избавляли мир от паразитов, присосавшихся к имперской собственности. Подчас грубовато – но зато наверняка. С поражающей воображение скоростью.

Для небольших приграничных государств мы стали настоящим ночным кошмаром, обретшим плоть. Воплощённым ужасом. Чистой, непреодолимой силой.

Негромко вдыхая кислородный ионизированный воздух, я прошёлся струёй кислотного-зелёного, с жёлтым сердечником, пламени по стене очередного сельского домика, и тот моментально вспыхнул, будто бы только и дожидаясь малейшего повода к возгоранию, самой крохотной искорки. Огонь ударил под самую крышу, охватив два этажа разом, и в воздух тут же устремилась целая серия пронзительных воплей.

Те, кто решал отсидеться в четырёх стенах – очень быстро начинали об этом жалеть. И, уверен, в мучениях проживали всё то недолгое время, что требовалось химическому пламени, чтобы обратить их утлое убежище в пепел.

Не могу сказать, что меня радовала концепция такой войны – хотя тот же Кирилл получал от неё явное наслаждение – но праведные деяния всегда требовали определённых вложений. Мне, например, приходилось жертвовать свободным временем, терпеть однообразие заданий и перешагивать через собственную брезгливость в отношении догорающих покойников, тогда как от других Империя требовала куда большего.

На окраине деревни раздался глухой взрыв – и к небу, почти неразличимый на его чёрном фоне, потянулся тяжёлый столб дыма. Наверное, кто-то накрыл огнём склад газовых баллонов – или же просто решил пострелять из тяжёлого оружия. Такое тоже случалось регулярно.

Тяжело вздохнув, я прибавил громкости звучащей в голове музыки и продолжил заниматься тем, что, по мнению имперских кадровиков, умел делать лучше всего – вычищать со своей земли следы низкородных захватчиков.

Ночь озарялась сотнями разных красок. Она полыхала красным огнём, заливалась ярко-зелёным и постепенно утопала в слабых жёлтых языках умирающего пламени. Багрилась кровью. Исходила слабо светящимися каплями охлаждающей жидкости и устремляла к бледной луне мольбы слабо сероватого сияния. И на минуту я пожалел, что идущий следом костяк имперской армии не отправил следом за нами несколько живописцев и поэтов, чтобы запечатлеть разностороннюю красоту этой небольшой, но приятной победы.

От этих мыслей меня отвлек зычный голос Кирилла: упиваясь оправданным самодовольством, командир передового отряда чистильщиков приказал согнать на слабое подобие главной площади – и единственное место, почти не тронутое огнём – всех тех жителей посёлка, что, так или иначе, смогли пережить первую фазу зачистки. Он очень любил это небольшое послесловие, по которому смело судил как о нашей общей эффективности, так и о глупости местных жителей. Обычно «на десерт» оставалось не меньше десятка представителей человеческого мусора, но в этот раз... В этот раз всё вышло как-то иначе.

– Вы только посмотрите на эту красоту! – голос Кирилла я услышал прежде, чем добрался до самой площади. – Всего шестеро! Шестеро храбрецов, решившихся выбраться из дома! И подумать только, трое из них...

– Дети... – удивлённо выдохнул я одновременно с командиром, пробравшись сквозь завесу алого огня, восстающего над чёрным кострищем.

Там, в самом центре аляповато освещённого пламенем пожаров каменистого полукруга, сидело на коленях несколько сгорбленных фигур, и вокруг них исполинами из детских сказок возвышались объёмные энергетические доспехи – с V-образными головами, утопленными в массивных плечах, могучими пламенеющими перчатками, соединёнными толстым проводом с топливным баком на спине, и дьявольскими отблесками на гнутых пластинах брони.

Электронный анализатор моментально выдал мне информацию по всем целям в поле видимости и выделил придавленных к земле ужасом людей в качестве возможных целей для атаки.

И первым, что я увидел, продравшись сквозь безвредный для костюма огонь, стал взгляд двух очей цвета той бескрайней, вечной лазури, которой я любовался ещё полчаса назад, пребывая в сладком плену внушённой мощным компьютером иллюзии. Она смотрела на меня – голубоглазая и светловолосая девочка лет, быть может, двенадцати, одетая в лёгкую ночную пижаму – смотрела с испугом и немой мольбой. Единственная из всех – она сверлила взглядом забрало моей брони, как если бы могла рассмотреть мои глаза за слоями защиты и тончайшей электроники. Она будто бы *чувствовала* мой взгляд – и пыталась найти его по одному только наитию...

И ей... Ей это удалось. Мы смотрели друг на друга, пусть даже она не подозревала об этом, а я боялся признаться в чём-то подобном даже самому себе. Ведь... мне незачем было глядеть в сторону человеческого мусора, чтобы покончить с ним...

– Ты очень вовремя, Марк! – усиленный динамиками голос Кирилла разнёсся над площадью, и мне вдруг стало очень неудобно за себя перед этой девочкой – некомфортно от того, что командир раскрыл моё имя и тем самым обнажил мою душу. Доказал, что все мы – нечто большее, нежели просто бездушный искусственный разум, запаянный в металлическую оболочку. – Мы как раз собирались тут заканчивать.

Растерянно поджав губы, я сделал несколько тяжёлых шагов вперёд и замер на границе того пространства, что готово было стать эшафотом для шести человекообразных насекомых, вставших на пути Империи.

Голубоглазая девочка – вся измазанная в саже и грязи, с покрасневшими от слёз щеками – по-прежнему смотрела на меня, но взгляд её всё быстрее терял осмысленность. Шок выбивал разум ребёнка из тела, оставляя одну только безучастную оболочку. Наверное, это было к лучшему: стрелять в бессмысленное чучело куда проще, чем в мыслящее существо... Во всяком случае, мне очень хотелось так думать.

То и дело возвращаясь взглядом к бледному личику будущей белокурой жертвы, я попытался внимательнее разглядеть остальных жителей деревни. Два мужчины – крупный и тощий, будто б сошедшие с карикатуры «противоположности», женщина в возрасте и пара мальчишек – примерно десяти лет от роду – покорно склонялись перед механическими захватчиками, стараясь как можно ниже склонить головы и забыться в мольбах или тщетных молитвах.

– Каждый раз, как я подумаю, что эти ничтожества – всё, что отделяет нас от победы... – Кирилл шумно, но с явным удовольствием вздохнул. – Меня переполняет радость!

Его возглас мгновенно поддержал дружный хор голосов. Мои коллеги по отряду подняли кулаки-огнеметы, предвкушая следующие слова лидера.

– И когда мы, оставив за собой выжженный след, объединим все земли под этими небесами – придёт час, когда миледи Аврора, наконец, займёт подобающее ей место владычицы всего сущего!

– За Аврору! – тут же взвыл один из бронированных воинов.

– Долгих лет жизни дочери Императора! – поддержал его возглас Кирилл, и все мы разом полыхнули в небо нестройными языками пламени.

Её высочество Аврора... Наш свет, наш путеводный маяк. Утончённая, великодушная и не по возрасту мудрая, она с младенчества воспитывалась лучшими людьми Империи, чтобы однажды встать во главе целого мира. Мира, который готов был бросить к её ногам отец и все его подданные, все до единого.

Если подумать, голубоглазая жертва зачистки могла быть точной ровесницей будущей Императрицы... Вот только на этом, к счастью, их сходства заканчивались – иначе я просто не смог бы простить себе это кощунство: прикончить на месте копию всеми любимой наследницы трона. Да и никто из нас не смог бы, наверное... Никто.

Продолжая возносить хвалу будущей императрице и её славному отцу, Кирилл прошёлся широким полукругом вдоль края деревенской площади, обращая в крошево обломки каменной кладки шагами тяжёлых латных сапог, и вскоре остановился на противоположной её стороне, рядом со скорбно давящимися огнём развалинами местной ратуши. Его зычный голос возносился вверх на струях горячего воздуха, и на миг я увидел перед собой картину глухого средневековья, во мраке которого полупьяные варвары горланили песни во славу своих богов под треск костров и крики раненых... Наверное, Кирилл оскорбился бы подобному сравнению, но я лишь мрачно ухмыльнулся себе под нос.

И тут, оборвав даже рёв бушующих пожарниц, в воздухе раздался стрёкот пулемётной очереди. Левая рука самодвижущейся брони Кирилла – перчатка с небольшой оружейной батареей под металлическим кожухом – незаметно для меня оказалась в боевом положении, и серия из нескольких тяжёлых пуль разнесла торс одного из деревенских жителей прежде, чем тот успел даже вскрикнуть.

Подавившись вдохом, я быстро перевёл взгляд на девочку в смешной цветастой пижаме. А та посмотрела на меня – с животным, неописуемым ужасом на миленьком светлом личике, с искривившимися в плаксивой гримасе губами и глазами открытыми так широко, что, казалось, в их пустой белизне уже не осталось места мелочам вроде радужной оболочки и зрачка.

Почему?.. Почему она смотрела так именно на меня?!

Пытаясь заслониться от пронзительного взгляда девочки, я поднёс ладонь к глазам, но, как и в случае с отравленным воздухом из сломанных фильтров, не смог защитить себя. Лишь глухо стукнул латной перчаткой по забралу плоского шлема, заслонив сигналы нескольких датчиков. Десятка-другого из нескольких сотен, непрерывно оценивающих состояние площади из каждой щели моей брони. И от изображений, выводимых прямо на сетчатку моих глаз, нельзя было так просто отмахнуться.

Пожилая женщина, запоздало обнаружив смерть своего товарища по несчастью, издала полный оглушающей горечи вопль – мой костюм даже счёл его воздействием негативным, понизив громкость звука в наушниках – но тут же замолчала навсегда, пригвождённая к земле ещё одной короткой очередью.

Спокойно разобравшись со второй целью, Кирилл уже навёл оружие на следующую мишень, когда в поле зрения моих сенсоров вдруг появилось неожиданное движение. Небольшое тепловое пятно – едва заметное в окружающих разводах пламени – отделилось от ближайших развалин и рванулось к центру площади. Ещё секунда – и в нескольких метрах перед бронёй Кирилла появился ещё один выживший. Облачённый в подпаленную шинель, армейский шлем с противогазом и плотную кожаную пелерину, он встал напротив огромного механического исполина храбрым маленьким портняжкой из детских сказок, расставив руки в стороны и высоко подняв скрытую под сплошной маской голову.

– Остановитесь! – приглушённый противогазом голос одинокого солдата разнёсся по площади настоящей взрывной волной, колыхнув языки беснующегося пожара и заставив

нас, имперских чистильщиков, одновременно вздрогнуть в своих металлических скорлупках. – Зачем?! Зачем вы это делаете?!

Сразу три тяжёлых огнёмёта, вхолостую сплюнув по огненному облачку, устремили свои жерла в сторону отважного безумца, но Кирилл движением руки остановил своих подчинённых. И повернул голову в мою сторону, с немым укором отметив ту нерешительность, что приковала меня к одному месту.

– То, что вы творите – это настоящее бесчинство! – продолжал кричать солдат, срывая голос и шумно глотая воздух из плохоньких дыхательных фильтров. – Военное преступление! Вы... Вы же чудовища!

Кирилл по-прежнему держал руку чуть приподнятой, и я с удивлением начал понимать, что раскрытая ладонь его латной перчатки даже не дрогнула, не сжалась в массивный кулак – явный приказ для атаки единственной цели.

– Мы ведь ничего не сделали вам!.. Ничего! – сорвав с лица противогаз, неожиданный оратор тут же закашлялся и рухнул на колени, давясь слюной, словами и жгучим дымом.

– Забавно, – голос Кирилла, ещё мгновение назад разносившийся над всей пылающей деревней, вдруг стал тише и как будто бы несколько спокойнее. – Нас пытаются обвинить в чём-то человек, который прятался всё то время, когда его родной дом сжигали дотла.

Заострённый спереди шлем командирского костюма Кирилла – красный, с белоснежной звездой на лбу и выступающим вперёд плоским рогом-антенной – разделился на несколько частей и, подобно убегающей сквозь пальцы воде, быстро скрылся за головой пилота.

Кирилла нельзя было назвать ни молодым, ни старым. Он был воином – человеком без возраста, научившимся убивать примерно в том возрасте, когда другие дети только начинали осваивать радости познания жизни. Выцветшие белые волосы командира были тронуты седой, а густые брови цвета грязного пепла располагались над узкими серыми глазами парой разномастных болотных островков. Подбородок Кирилла, испещрённый старыми шрамами, был покрыт грубой щетиной – и от неё, насколько я помнил, наш ведущий не мог отказаться даже на приёмах в высшем обществе.

Вслед за гладким шлемом начали расползаться и остальные пластины брони Кирилла: мощный нагрудник, ряд защитных пластин, формирующих брюшную полость, и мудрёные механизмы ног, почти полностью привязанные к системе громоздких поршней.

С некоторым усилием высвободив ноги из подвижных креплений, Кирилл шагнул из напичканной электроникой туши механического чудовища и, спустившись по стопам гиганта как по надёжной лестнице, ступил на озарённую половиной цветов спектра сухую землю.

В своём чёрном костюме пилота, буквально пронизанном отверстиями для подключения к нервным окончаниям и скрытыми проводами, наш командир вовсе не казался особенно внушительным противником: плотно сбитый, но узкоплечий, он напоминал неумеху-простака из сельской местности, чем, наверное, не раз внушал своим врагам ложное чувство безопасности. И в этот раз противостоящий нам солдат не был слишком уж впечатлён: поднявшись с колен, он растерянно огляделся по сторонам, полагая, что его обманывают, и настоящий лидер чудовищного отряда прячется в другом самодвижущемся доспехе.

– Ты ведь спрятался, – крупный палец Кирилла указал прямо в центр груди растерянного вояки. – Скрылся с глаз, оставив своих родных и близких на произвол судьбы. Но всё-таки пытаешься что-то говорить о военных преступлениях?..

– Но...

– Таковы все вы, – командир отвёл тяжёлый взгляд. – Ничтожные, мелкие лицемеры. И растите таких же! – он окинул взглядом сжавшихся чуть поодаль детей. – Поэтому мы и существуем. Поэтому существует Империя – чтобы вычистить вашу поросль с лица этого

материка. Гнать до дальних его берегов ту малую толику трусов, что выживет после главной чистки – и сбросить их в море.

– Вы не... не посмеете! – солдат растерял всю свою геройскую статью. Разговаривать с обезличенным вооружённым механизмом ему было проще, чем выслушивать монотонную речь презрения от такого же простого слуги своего отечества, воспитанного по совершенно другим законам и понятиям. – Это ведь... бесчеловечно!

– Речь и не идёт о людях, – Кирилл задумчиво поджал губы, глядя собеседнику прямо в полные слёз глаза. – Мы говорим о тебе подобных. И не более.

– Вы будете наказаны за своё высокомерие...

Усмехнувшись, Кирилл посмотрел в мою сторону. Он всем своим видом выражал насмешку и презрение, уничижающий сарказм – не облеченный в слова, но всё равно очевидный – по отношению к храброму воину этой маленькой республики, по вине голого случая попавшей под сапог грядущей войны.

– Нет такой силы, что могла бы нас наказать, – промолвил командир скорее для нас, немых слушателей этого разговора – и почти сразу же выстрелил, даже не взглянув в сторону цели.

Это был росчерк. Мгновение. Ещё секунду назад Кирилл стоял свободно и расслабленно, опустив руки вдоль тела – и тут же в ладони его вдруг оказалась рукоять персонального пистолета. Короткая вспышка, грохот – и республиканский солдат откинулся назад, рухнув наземь мешком, полным костей и мяса.

– Подумать только! – Кирилл всплеснул руками, расплываясь в счастливой улыбке. – Я думал – сорвусь раньше... Не выдержу! Марк, друг, ты посмотри – это ведь младший офицер! Настоящий! И вот, посмотри!..

То и дело озираясь на меня, командир нагнулся над убитым солдатом и, повозившись с ремешками, снял с его простреленной головы красивый форменный шлем с пазами для пристёгивания противогаза. Поддев шлем на кулак, Кирилл просунул палец в пулевое отверстие и, самодовольно улыбаясь, снова посмотрел в мою сторону.

– Мой старший сын – Николас, ему семь, ты мог запомнить – как раз просил меня привезти с войны шлем убитого лично мной офицера! С пятнами крови внутри и всем таким. А я целый день потратил, пытаюсь ему объяснить, что моё оружие – то есть пушка «Возмездия» – обычно разносит головы людей в клочья, как гнилые овощи! Бум! – он несдержанно рассмеялся. – И ошмётки! А тут такая радость – дурак в настоящем боевом шлеме сам позволил всадить ему пулю в голову!

– Это... Очень здорово, – неуверенно отозвался я, ощущая странный дискомфорт. Как будто бы всеобщее внимание – не только взгляды членов команды зачистки – выставляло меня в каком-то дурном свете, и от него хотелось скрыться как можно скорее.

– Просто потрясающе, да? – широко улыбаясь, Кирилл обвёл взглядом остальных участников рейда, но те не поддержали его энтузиазм и сохранили сухое молчание.

Продолжая с удовольствием рассматривать трофейный шлем, командир быстро вытянул руку с пистолетом и, не целясь, пальнул в затылок тихо молящемуся мужчине – одному из выживших, про которых, как мне казалось, он должен был уже начисто позабыть.

Дети завизжали почти одновременно. Возможно, от неожиданности, но, как мне показалось, скорее от пугающего осознания подступающей смерти. Они, возможно, даже не знакомые толком с этой концепцией – в единый момент познали её со всех возможных сторон: видели гибель других людей, наблюдали за агонией выжженной земли и чувствовали на своих затылках дыхание замогильного холода.

– Знаете, в чём разница между нами и вами? – с размеренным безразличием произнёс Кирилл, отвлекшись от созерцания шлема и сделав несколько шагов в сторону сжавшихся в комочки выживших детей. – Мной и вашими мёртвыми мамочками-папочками... Эта раз-

ница – здесь! – он указал дулом пистолета на собственную грудь в области сердца, не заботясь о том, что насмерть перепуганные ребята боялись даже взглянуть в его сторону. – Ваши родители были ничтожными трусами – и пестовали такую же двуногую мразь себе на замену! Каждый из них пёлся только о собственной шкуре – и вот что получилось!

Бережно положив шлем на грудь убитого солдата, Кирилл прошёлся по площади вальяжным шагом победителя, уважительно кивнув каждому из своих ведомых – включая меня – после чего вновь подошёл к приговорённым детям. Уселся на колено рядом с трясущимся от ужаса мальчишкой и, резко схватив его за волосы, заставил посмотреть себе в глаза.

– Мы двигаем войска по территории ваших соседей уже больше месяца! – прорычал командир в лицо побелевшему и как будто бы вовсе потерявшему сознание мальцу. – Выжигаем поля, втоптываем в землю мёртвые тела! И до сих пор не встретили достойного сопротивления! Потому что ваши безмозглые родители посчитали, что с ними *не может* произойти ничего подобного, что идущая с востока агрессия – это всего лишь преувеличение, и вашему карликовому государству нужно просто переждать время смут, спрятавшись пониже в траве!

Тяжело вздохнув, Кирилл чуть ослабил хватку и добавил уже чуть спокойнее:

– Вы же всё равно ни слова не поймёте... Животные... Воспитанные ради потребления...

Он с презрением фыркнул. Подался назад, слегка ослабив бдительность, и как будто бы намеревался произнести что-то ещё, когда схваченный им мальчик вдруг дёрнулся в сторону, оставив в пальцах Кирилла клочок вырванных волос, и бросился прочь от центра площади, давась рыданием и криком.

Двое других детей вжались в землю ещё сильнее. Даже девчушка в пижаме, что смотрела на меня всё это время живым воплощением совести, уткнула голову в камень плит и зажала уши ладошками. Она уже знала, чем всё закончится. Знала лучше, чем погибшие на месте взрослые. Потому что не разбиралась в политике и не имела никаких представлений о заложниках. Именно отсутствие этих иллюзорных барьеров позволило ей осознать со всей чёткостью: в эту ночь одни люди пришли убивать других людей.

Кирилл снова стрелял не глядя. В своей нервирующей безразличной манере, он просто вскинул руку и нажал на курок. Раз, другой, третий. С точностью и скоростью профессионального солдата он всадил целую обойму в спину мальчишке прежде, чем тот успел даже дёрнуться от первого попадания.

– Я разговаривал с тобой, невежественное насекомое, – утомлённо произнёс Кирилл, поднимаясь с колен и отряхивая от сажи щитки своего облегающего костюма.

Дым его как будто бы не заботил вовсе, как и жуткий смрад, стелящийся над полем учинённой резни... Хотя в этом смысле по-настоящему поражали дети – вонь и гарь душили их, приковывали к месту, но маленькие смертники по-прежнему пытались бороться с собственной слабостью...

– В следующий раз, – Кирилл взглянул на трясущуюся всем телом девочку сверху вниз. – Когда – *и если!* – я захочу объяснить, почему это вы ждёте смерти передо мной на коленях, а не я перед вами – проявите хотя бы подобие вежливости!

– Ты это говоришь так, будто вы с ними ещё встретитесь, – с усмешкой подметил один из боевых пилотов, воспользовавшись громкой связью.

Кирилл расхохотался в ответ – скорее напоказ, нежели от искренней забавы – и уже так, с полураскрытым ртом и задорным прищуром, приставил дуло пистолета к затылку белокурой девочки. Будто в замедленной съёмке я наблюдал за тем, как хрупкое тельце содрогнулось на месте, и крохотные пальчики смертницы напряглись на висках, оттягивая быстро седеющие пряди.

– Но всё-таки, – голос того же пилота раздался будто бы из совершенно другой реальности, из-за плотной водяной ширмы. – Нужно быть полным отморозком, чтобы вот так вот выстрелить в ровесника своего сына, Кир! Я бы так не смог...

– Я тоже не мог когда-то, – с улыбкой ответил Кирилл, всё глубже утапливая курок в рукоять оружия. Ещё секунда... И, взорвав мой внутренний мир на тысячи мелких осколков, из пистолета командира раздался слабый, едва заметный щелчок.

Значит, я действительно не ошибся в подсчётах... И Кирилл выстрелил оставшийся боезапас в несчастного мальчишку... А я... я просто не знал, как чувствовать себя после такого... Вырвавшийся из моего горла вздох облегчения был преждевременным и, наверное, совершенно излишним...

Но с этой блеклой сединой в волосах... С ней голубоглазая девочка ещё плотнее приблизилась к образу величественной Авроры, юной богини с прядями цвета свежеснеженного снега и кожей такой изумительной белизны, что нельзя было передать словами...

Наверное, меня следовало бы сжечь как еретика... Сжечь на месте. За столь дикое сравнение наполовину поседевшей маленькой оборванки с олицетворением будущего Империи!..

Задохнувшись от собственной наглости, я резко мотнул головой и заставил себя вернуться к реальности. К догорающей деревне и двум крохотным фигуркам, чьи сгорбленные тени разносились по площади лучами хищной колдовской звезды.

– Вот незадача, – Кирилл утомлённо выгнул спину и спрятал небольшой пистолет – малозарядное оружие пилота на самый крайний случай – в скрытую кобуру на поясице. – Ладно, тогда будем действовать по привычной схеме – огонь, огонь и ещё раз огонь... И, раз уж у нас тут выискались слабонервные, пусть этим займётся кто-нибудь, у кого детей нет.

Взгляд Кирилла моментально скользнул по зрительным сенсорам моего доспеха, и я понял, что выбор командира уже был сделан – и он вовсе не был случайным. Кирилл собирался наказать меня за непрофессионализм, за промедление, сдержанность... и сочувствие. Его он, наверное, чувствовал так же явно – и с тем же лютым омерзением – как и окружающий смрад смерти.

– Марк, займётся этим? – обнажив зубы в холодной ухмылке, Кирилл встал у своего распаханного экзоскелета и скрестил руки на груди. Он всем своим видом говорил: «Я не собираюсь ничего предпринимать. Решай. Действуй.»... И это отчего-то раздражало.

Безмолвно тронувшись с места, я впервые за всё время управления «RCG-34» – или экзоскелетом «Возмездие» – ощутил на своих плечах его невероятную тяжесть. Каждый шаг давался мне с невероятным трудом, как если бы управляемые компьютером сервоприводы разом отказали, и мне приходилось поднимать каждой ногой по тонне чистого веса.

Встроенный компьютер, анализируя поступивший от лидера звена отряд, услужливо вывел на сетчатку моего глаза информацию о состоянии встроенного вооружения. И вежливо подчеркнул, что использование миниатюрных ракет, спрятанных в одном из наплечников, может быть слишком затратным и неэстетичным, нерациональным даже ввиду наличия боезапаса для ручной пушки в левой перчатке и огнемёта – в правой.

Одёрнув тошнотворно услужливые рекомендации, я попробовал закрыть глаза и сосредоточиться на поставленной задаче, но выводимые прямо под веко образы мёртвой площади не позволяли уйти в себя, забыться и вычеркнуть всё лишнее.

Да, мне приходилось убивать беззащитных – такова была природа чистильщиков, неотвратимой длани устрашения – но никогда прежде потенциальная жертва не встречала меня таким взглядом, полным мольбы и смирения. Обычно люди сгорали прямо в домах, исторгая ужасные вопли и омерзительный смрад, а выбегающими смертниками занимался Кирилл или ещё кто из его окружения...

Как оказалось, для непосредственной ликвидации цели – лицом к лицу, честно и прямо – мне не хватало духа. И никакой приказ не мог бы вселить в меня достаточную храбрость, чтобы перешагнуть через себя и оборвать этот крохотный, уже почти потерявшийся в собственном тусклом свете огонёк чьей-то жизни.

Мысленно отключив системы наведения и оборвав контроль над вооружением, я тяжело вздохнул и промолвил в микрофон шлема:

– Я... Не хочу так, Кир. Это чересчур.

– Да? – Кирилл вздёрнул брови, сохраняя на лице то самое саркастичное выражение, с которым отправил меня вершить судьбы невинных детишек. – Значит, для тебя минутку побыть мясником, а не солдатом – всё-таки трудновато?..

– Невыполнимо, – признал я, зачем-то усмехнувшись вслух. Наверное, пытаюсь тем самым сгладить собственный страх перед командиром. – Но серьёзно... подумай, Кир, это ведь дети... Да никто из нас не смог бы...

Я ожидал поддержки от братьев по оружию, но те лишь неуклюже покашливали и бормотали что-то в открытый канал, то ли браня меня, то ли вслух готовясь к худшему.

– Тебе повезло, – Кирилл улыбнулся ещё шире и обманчивее, чем прежде. – Повезло, что я не отдал тебе приказ, Марк, а обошёлся одной лишь просьбой. Сделаем вид, что ничего не было. Но тогда встаёт вопрос – что нам делать с этими двумя?.. Если предположить, что *никто* из нас не в состоянии справиться с этой работой...

– Пусть идут, – вдруг произнёс один из пилотов, кажется, Стайн. С выключенным бортовым компьютером я не мог даже сказать наверняка – чьи голоса слышал в канале. – Это ведь пацан и девчонка... Вреда от них не будет. Пусть расскажут жителям следующей деревни или, скажем, армейским – может, те выведут против нас хоть что-нибудь... А то резать этих гражданских, как свиней, уже утомляет...

– Отклонено, – отрезал Кирилл, помахав рукой в сторону одного из тяжёлых доспехов. – Ты сам заметил, что это маленькие дети, а значит, вряд ли смогут своими силами добраться до населённого пункта – и при этом обогнать нас. Единственное, что их ждёт там – это смерть. Так зачем же оттягивать то, что случится само собой – и, быть может, в куда худших обстоятельствах?..

Какие обстоятельства в принципе могли быть хуже *этих*?.. У меня не находилось ответов на этот вопрос. Ни одного.

Наверное, вжавшаяся в землю девочка думала так же. Если вообще сохранила до сих пор здравый рассудок... В любом случае, она уже не тряслась так сильно, как прежде, и как будто бы прислушивалась к нашему обсуждению. Чуть отвела ладошки от ушей, чтобы не пропустить ни слова.

– Мы обмякли без достойного противника, – мрачно отметил командир, забираясь во чрево своего «Возмездия». – Солдаты, захваченные врасплох, домохозяйки и их милые чада – они отбивают настоящую волчью хватку! Тебе уже не хочется вцепиться врагу в горло – потому что он слаб! Болен! Никчёмн... Наша разведка и диверсионные отряды работают слишком хорошо – и вот результат: мы даже двух малолеток не можем прикончить на месте, без лишних слов. Начинаем разыгрывать какую-то драму о важности жизни...

Рубиновое забрало сошло перед лицом Кирилла, и я вновь услышал его голос – на этот раз куда более мощный, потоком магмы бегущий по каналам внутренней связи:

– Пусть мне ответит Марк, – произнёс лидер звена, приводя в боевую готовность системы механизированной брони. – Если бы ты был ведущим в этой операции и мог принимать решения – что бы ты сделал?

Несколько обескураженный прямым, точно стальной шип, вопросом Кирилла, я взял длительную паузу. Несколько раз глубоко вдохнул, пытаюсь успокоиться и подобрать нужные слова, после чего выпалил первое, что пришло в голову:

– Я забрал бы их с собой. Оставил в тыловом отряде. Чтобы...

– Показать Величие Империи? – фыркнул Кирилл, будто бы прочитав вымышленную причину прямо из моей головы. – Продемонстрировать мощь, с которой им довелось встретиться – и выжить?.. Марк, ты меня поражаешь. Ещё полчаса назад я думал, что взял с собой

проверенных в бою солдат, а не группку матушек-наседок! Хочешь таскаться с ребёнком? Дерзай! Выбирай, кто больше нравится. Но второй со своего места не тронется. Я не позволю превращать передвижной штаб в детский сад! Ты понял?

– Так точно! – выкрикнул я, чувствуя, как пересыхает от ужаса горло.

– А поскольку я уже понял, кого Марк заберёт, – голос командира отдавал ледяным холодом. – Нам осталось решить только один вопрос – как быть с мальчонкой? Может, у кого-нибудь из вас есть ещё фантастические предложения? А? Сайрус? Стайн? Ковальски?..

Закованная в броню рука Кирилла резко передвигалась по широкой дуге, указывая то на одного металлического исполина, то на другого – и я собственной шкурой чувствовал, как вздрагивают при упоминании своих имён напряжённые пилоты. Потому что вздрагивал вместе с ними, как если бы каждый раз Кирилл обращался только ко мне... Ко мне одному.

– Нет? Это радует, – оглушительно хлопнув металлическими ладонями, Кирилл указал в сторону глухой и немой ночи за пределами бушующих пожарищ. – Тогда возвращайтесь на базу, насадки. Вам не понравится то, что здесь сейчас произойдёт...

Отозвавшись с монотонной обречённостью, мои спутники по звену начали медленно разворачиваться к выходу из деревни. Наверное, они сейчас настраивали автопилот на дорогу к мобильному штабу императорской гвардии, как бывало после всякой операции, но для меня... в этот раз всё было совершенно иначе.

Как мне следовало обращаться с потрясённой девочкой?.. Что делать? Как вести себя – учитывая, что именно я мог спалить её родных заживо... И что если она потеряла рассудок от всего пережитого? Что если стресс прикончил её разум, оставив белое пятно пустоты?.. К подобному я не был – и не мог быть! – готов...

Нагнувшись, я попробовал как можно бережнее потянуться к замершей комочком девочке, но огромная лапища доспеха двигалась слишком резко и агрессивно – она не была предназначена для подобных операций и, наверное, казалась скорее надвигающимся кулаком палача, нежели мягкой дланью спасения.

Я тихо выругался и, не обнаружив иных вариантов, мысленно приказал доспеху выпустить меня наружу. С пронзительным свистом ионизированный воздух из резервов брони начал смешиваться с поступающим извне жарким дыханием пожаров – и я невольно скривился от пугающей, сбивающей с ног вони. Приправленная едким дымом, она лезла в нос, горло и глаза, заставляла рыдать, кашлять и шмыгать одновременно. Не знаю, как Кирилл умудрялся говорить и выглядеть достойно в подобной атмосфере – но, наверное, мне не помог бы справиться с подобным кошмаром даже подробный разбор всех его методик... Чтобы выживать в аду нужно быть чем-то большим, чем просто подданным Империи – например, хищником, способным отстрелять всю обойму в спину крохотного мальчишки...

Утерев глаза плотным рукавом эластичного комбинезона – что, надо сказать, не принесло никакой пользы – я попробовал привлечь внимание девочки, но, наверное, даже самого мягкого «Эй!» в её случае было бы недостаточно... Поэтому, свесившись из кабины «Возмездия» почти что наполовину – меня держали только провода, присоединённые к разъёмам ног и поясницы – я потянулся к небольшой голове несостоявшейся жертвы и кончиками пальцев коснулся её побелевших у основания волос.

Девочка вскрикнула. Негромко – сдавленно даже – и ещё плотнее вжалась в раздробленный камень площади. Её выгнутая спина вновь затряслась, как от множества ударов, а пальчики побелели на висках. Мне даже стало неспокойно: показалось, что в таком состоянии девочка без труда могла бы вырвать себе прядь-другую и даже не заметить этого – или, что было ещё хуже – содрать в кровь кожу над ушами.

– Ну же, – мягко произнёс я, чувствуя себя полным идиотом. – Не нужно бояться... Всё самое плохое уже позади... Тут... Много произошло... Но тебе больше никто не причинит вреда...

Маленькая копия Её Высочества принялась тихонько и часто всхлипывать. Мои слова как будто бы притягивали её к поверхности глубокого тёмного омута забвения, и чем ближе она оказывалась к его мёртвой глади – тем сильнее становились все отрицательные чувства: горечь утраты, желание провалиться сквозь землю и сводящее с ума неверие в реальность происходящего. Отчего-то я прекрасно понимал эти её чувства, как будто бы в череде операций зачистки вдруг получил возможность взглянуть на происходящее с обратной стороны баррикад – и испил эту чашу до самого дна.

Мальчик, что находился рядом, уже не подавал признаков осознанной жизни. Он просто сидел в небольшой пахучей лужице и смотрел в землю. Без движения, без нервной дрожи – будто бы сознание уже оставило его, ввергнув тело в состояние безучастного ко всему овоща.

Поспешив отвести взгляд, я приказал мобильной броне нагнуться ещё ниже, и, с трудом подломив одно колено, с максимально возможной осторожностью взял выжившую девочку на руки. Она была лёгкой и как будто бы игрушечной – белая кожа и маленькое тельце напоминали о дорогих фарфоровых куклах, так популярных у девочек Империи, а черты заплаканного личика были будто бы срисованы с образов шарнирных игрушечных красавиц, коими славились далёкие островные государства на востоке.

И, на какой-то миг, я почувствовал в своих руках тепло самого большого сокровища на свете – одной крохотной, беззащитной жизни, с которой нас свела сама судьба.

Вновь заняв вертикальное положение в эргономичном креплении для спины пилота, я дождался, когда иглы нейроадаптеров с автоматической точностью подключатся к разъёмам вдоль моего позвоночника – и поспешил мысленно приказать броне двигаться к точке первоначального базирования. Закрыть кабину не было возможности – внутри просто не нашлось бы места для девочки – и я даже против собственного желания, зажмурив глаза и заставив себя мысленно напевать случайную песенку, смог расслышать в громогласном дыхании пожарища единственный долгий сполох огнемёта Кирилла.

Всё было кончено. Выживших в разорённой деревне не осталось.

Наверное, я действительно размяк без реальных боевых столкновений. Уступил гражданскому человеколюбию, потому что забыл – каково это, опасаться за собственную жизнь. Технологии приучили меня к безопасности, и, видит Император, я бы не хотел ничего менять... И вспоминать то время, когда нам приходилось проливать настоящие озёра своей и чужой крови ради каждого клочка земли, принадлежащей Империи по праву...

2. Майя

Мы двигались навстречу восходу, отмеряя широкими шагами расстояние, которое обычный человек прошёл бы, только сбив ноги в кровь, и вскоре окунулись в подступающее тепло нежного утреннего света. Его мягкие касания не имели ничего общего с настойчивым жаром пожарищ, и, отчего-то вспомнив слова Кирилла, сравнившего нас с домохозяйками, я поймал себя на безотчётном восторге перед этим скромным великолепием природы. Вот только самого источника света – восходящего солнца – почти не было видно на небосклоне. Там, простирая крылья массивных двигательных блоков, располагалась титаническая передвижная крепость императорской гвардии – «Аврора», мобильный штаб операций, авианесущий транспорт и орудие непревзойдённой огневой мощи, спаянные в одном огромном Н-образном корпусе. Выстроенная по последнему слову техники с применением редчайших материалов и сложнейших механизмов, эта громадная крепость висела над брэнной землёй воплощённым манифестом воли Императора и, конечно же, Её Высочества. Одного взгляда на зависший в пространстве недвижимый колосс было достаточно, чтобы впасть в благоговейный шок и почувствовать себя крохотным насекомым на пути величия и мощи.

А прямо под «Авророй», почти неприметные на фоне боевого флагмана Империи, располагался фронт имперской армии: от горизонта до горизонта тянулась чёрная лента из боевых машин, пехотных подразделений и выставленных в ряд крупнокалиберных орудий. Сейчас вся эта сдерживаемая мощь казалась недвижимым проявлением природного каприза – могучей скалой, способной выдержать любой натиск – но я лучше многих понимал, насколько обманчивым было это сравнение. . . Императорское войско двигалось с поразительной скоростью и неотвратимостью, преодолевая огромные расстояния, и совершало подобные остановки лишь для того, чтобы принять очередной груз из столицы или дожидаться разведанных от передовых отрядов. Благодаря мобильной орудийной крепости у армии не было проблем с логистикой – обеспечивая максимальное сенсорное покрытие, та могла принять любое количество воздушных транспортов с провизией, боеприпасами и необходимыми деталями и в считанные часы сгрузить полученные контейнеры на землю. Транспортники курсировали в небе над фронтом регулярно, и даже сейчас, как мне показалось, рядом с «Авророй» можно было разглядеть несколько подвижных чёрных точек.

Затаив дыхание от гордости за свой народ, я взглянул сверху вниз на свою маленькую спутницу, которую до сих пор нёс на руках. Но та, к некоторому моему разочарованию, не могла оценить всего великолепия, что раскинулось перед нами – её вообще как будто бы не существовало в тот момент, и бледная пустая оболочка, сверлящая пустоту взглядам двух голубых зеркал-глаз, оставалась лишь плодом моего воображения.

Продолжив движение, пусть и чуть медленнее, я вскоре добрался до передовой линии наступления – нескольких пехотных шеренг, состоящих из механизированных доспехов вроде моего, но куда менее технологичных и защищённых. Неподвижные, словно бы выточенные из обсидиана воины даже не шелохнулись при моём приближении – их уже проинформировали аналитики «Авроры», подтвердив мою принадлежность к числу имперских военных сил – и лишь расступились, давая дорогу, когда я подошёл чуть ближе. Сразу за этой латной стеной располагались внушительные заслоны имперских танков – металлических чудовищ о двух дулах и четырёх гусеничных блоках – из-за туш которых уже нельзя было различить небес.

На первый взгляд движущаяся по направлению к центру вражеской территории линия фронта не казалась такой уж надёжной – но лишь тот, кто видел эффективность имперской гвардии собственными глазами, мог судить о глубине подобного заблуждения. Подобно линии лесного пожара, армия Её Высочества двигалась по чужой земле, оставляя после себя только выжженные пустоши и пустоту абсолютной смерти. Это была эффективная военная кампа-

ния – самая эффективная и простая из всех, в которых нам когда-либо приходилось участвовать.

Вскоре, миновав линию основного наступления, мы вышли к зоне тылового расположения армейских частей. Здесь располагалось всё то, без чего сложно было представить затяжные военные кампании, направленные на решительное завоевание – вместительные походные казармы, кухни, лазареты и центры обеспечения, умело запакованные имперскими умельцами в корпуса исполинских гусеничных транспортников. Эти многотонные черепахи, похожие на ряд громоздких коробок, занимали куда больше пространства, чем само войско, и производили совершенно неизгладимое впечатление: казалось, что под тяжёлой бронёй каждого из этих необъятных тихоходов скрывается по целому арсеналу сверхтяжёлых орудий, и в самой сложной ситуации их можно просто выпускать вперёд – сносить целые города плоскими, будто бы рублеными корпусами, и обращать их в пыль одной только массой чудовищных гусениц. На тупых носках многих транспортников красовались эмблемы взводов и армейских формирований, но в большинстве своём они казались точной копией друг друга – с одинаковым красно-золотым гербом под высоким стеклом капитанской рубки и размашистой белой надписью «Во имя Авроры» на тяжёлых тёмных бортах.

Как и было положено на привале, исполинские грузовики стояли плотным безмолвным рядом – устремляясь к небесам огромной бронированной стеной – и давили почву перед собой языками длинных металлических трапов, на каждом из которых можно было прочесть обращения Императора к своим верным солдатам. Мне – как и многим – поначалу казалось кощунственным попирать ногами слова Его, но, как оказалось, к этому тоже можно было привыкнуть. Пусть и не сразу.

Тут и там – двигаясь перебежками от линии фронта до самых глубоких тылов – сновали рабочие в одинаковых серых робах. Почти незаметные на фоне механических исполинов, они, тем не менее, умудрялись выполнять почти все необходимые работы по снабжению в тылу и на передовой: перевозили пирамиды каких-то коробок, сопровождали небольшие грузовые автомобильчики и принимали все поставки с зависшей меж небом и землёй «Авроры». Самоотверженные и расторопные, эти работники тыла были ещё одной причиной наших побед – именно их безмолвное участие позволяло пехоте и технике не заботиться о насущных проблемах и полностью отдавать себя войне.

Мысленно отсалютовав беззвучным и как будто бы безликим тыловикам, я нашёл взглядом трап своего бегемота-транспортника – того, к которому были приписаны все отряды чистильщиков – и поспешил взойти по его ребристой поверхности к входу в небольшой распределительный ангар, заполненный лязгом, свистом и грохотом. Тут, в ярком свете множества электрических ламп, располагалось приёмное отделение для компьютеризированных доспехов и их ремонтный док; облачённые в жёлтые комбинезоны мастера-механики прямо на месте разбирали и доводили до ума требующие внимания детали брони и механические её компоненты, не стесняясь пускать в ход самые неожиданные инструменты. Наверное, я до сих пор опасался вверять этим людям «Возмездие», и, если бы не полное доверие к выбору Императора, давно приказал бы им держаться от моей брони подальше...

Очередной громкий звук – кажется, визг механически выкручиваемых болтов – заставил девочку на моих руках резко вздрогнуть. И это было первое проявление эмоций с её стороны за последние часы... Первое, но, отчего-то вовсе не обнадеживающее...

Осторожно прижав голову девочки к своей груди – и пытаясь тем самым спасти её уши от инженерного грохота – я прошёл вглубь ангара, минуя развешенные тут и там гидравлические клешни и обходя стороной вместительные подъёмники.

Держатели для брони моего отряда – семь высоких конструкций с бесчисленным множеством фиксаторов и механических манипуляторов – были уже почти полностью заняты:

свободной оставалась только моя ячейка и выкрашенный в особый красный цвет модуль для доспехов Кирилла. Мой взгляд надолго задержался в этой пугающей пустоте, где уже должен был располагаться командирский экзоскелет «Возмездие», и, погрузившись в тяжёлые раздумья о собственном опоздании и задержке командира, я пропустил приближение одного из механиков.

– Марк! – раздался мелодичный, но строгий отклик, заставивший меня покачнуться от удивления. – Я, кажется, тысячу раз уже просила относиться к нам с минимальным уважением!

– Натали, – отозвался я, не решаясь развернуться к рассерженной ремонтнице. – Давно не виделись...

– И я бы тебя не видела ещё столько же! – фыркнула девушка, похоже, намереваясь обойти меня справа. Следуя по ходу её движения, я будто бы невзначай шагнул чуть в сторону и развернулся к выходу из ангара. Притопнув ножкой, Натали уцепилась за край латной перчатки моего доспеха и продолжила свою тираду: – А теперь ты прячешь взгляд, да? Ну когда, когда уже, во имя Императора, вы перестанете вести себя, как какая-то уличная банда?! Выходите без предупреждений, делаете, что хотите, и возвращаетесь, когда вам вздумается! А ваши механики должны всё это время сидеть как на иглоках и ждать, когда их подопечные изволят привезти домой бесценные творения имперских гениев, которые вы, как мне кажется, считаете какими-то дешёвыми игрушками!

Я не смог сдержать улыбку, хотя, видит Император, у меня было более чем достаточно поводов для беспокойства – начиная с отсутствия Кирилла и заканчивая множеством странных взглядов в мою сторону и сторону девочки на моих руках. Не говоря уж о Натали, которая, единожды взявшись за выяснение отношений, не намерена была отступать.

– Почему отряд «Коготь» возвращается всегда полным составом?! – ладошка Натали хлопнула по предплечью моего «Возмездия». – Почему «Гидры» сегодня были по расписанию? Потому, Марк, что они солдаты! А не шайка самовлюблённых детишек, вроде вас!

– Послушай, – начал я, теряя терпение. – Дело в обстоятельствах...

– Нет, Марк, дело в тебе! Знаешь, как это скверно – сидеть целый час после обслуживания чьего-то костюма с руками, испачканными по локоть в саже, и не иметь возможности даже умыться как следует – потому что в любую минуту может подойти следующий чудо-чистильщик с очередным «Возмездием», требующим тщательного обслуживания!

– Да, кстати, – вдруг вспомнил я. – Мои фильтры!.. То есть, фильтры на броне. Снова засорились...

– Знаешь, Марк, – в голосе девушки послышалась гнетущая усталость. – Если собрать в кучу всё, что я выскребаю из твоих фильтров – то, наверное, можно будет слепить полноценный труп в полный рост! Совершенно бесплатно! Как в какой-то рекламной акции, будь они неладны...

– Виноват...

– Да. Виноват. Ты ведь у нас романтик... Включаешь музыку. Проецируешь на глаза всякие красивые картинки. Просто чтобы не видеть грязи, в которой все мы утонули уже по самые уши...

– Натали... – в горле моём запершило от странной тревоги. Девушка-инженер затронула тему, которая могла бы стоить ей не только места работы, но и всех дальнейших перспектив.

– Конечно же, за сладкой иллюзией не разглядеть показаний приборов. И не узнать о необходимости очистки фильтров!.. Пока не стало слишком... поздно...

Задумавшись о словах Натали, я пропустил тот момент, когда она вновь двинулась вокруг меня – и с удивлением встретил взгляд её огромных зелёных глаз, распахнутых шире, чем бывало хоть когда-либо прежде.

Удивление придавало смуглому, отмеченному тёмными пятнами масла личику Натали забавное очарование, которого склочная и боевитая девушка была обычно начисто лишена. В своей бесформенной жёлтой форме и перчатках до локтя, она могла показаться обычным дворовым мальчишкой с коротко остриженными волосами и неизменной сигаретой, зажатой в часто выставляемых напоказ ровных зубах... И хватка у неё тоже была мужская: только-только влившись в коллектив инженеров по обслуживанию экзоскелетов, Натали быстро расставила всех рабочих по своим местам и выбилась в самозванные лидеры целого ремонтного ангара. Крутой нрав, милый голос и уничижающий взгляд колдовских зелёных глаз – в этом была вся Натали, сколько я её помнил. Но в этот день, в ту секунду, как она увидела выжившую после зачистки девочку – что-то в её жизни изменилось... Как и в моей. Навсегда.

– Что это?.. – дрожащим голосом поинтересовалась Натали, отступая от меня так, будто в руках я держал не маленькое безвольное тельце, а настоящую бомбу с таймером, счёт которого шёл уже на секунды.

– Это... ребёнок. Девочка, – отозвался я, потупив взор.

– Да? Серьёзно?! – глаза Натали превратились в пару узких щёлочек. – А я-то всё не могла понять – откуда у тебя!.. Нет, я даже шутить на эту тему не могу! Слишком тупо!

Хлопнув себя ладонью по лбу – и оставив на лице ещё один чёрный след – девушка резко развернулась на месте и принялась ходить кругами по секции, где располагались доспехи моего отряда.

– Это немыслимо! – вспыхнула она через несколько секунд и потянулась за сигаретами отточенным до автоматизма движением, но, вовремя вспомнив о рабочей робе и перчатках, только хлопнула себя ладошками по узким бёдрам. – Марк, ты просто превзошёл себя!..

– У вас снова семейные разборки? – громко спросил кто-то из-за высокой металлической перегородки, и Натали, поперхнувшись от удивления, быстро бросила в ту сторону первый попавшийся под руку болт.

– Нет! – прикрикнула она вслед маленькому металлическому снаряду, не дожидаясь даже, пока тот с лязгом врежется в преграду. – Я не собираюсь связывать свою жизнь с человеком, которого когда-нибудь убью! Этого ждал? Уморительно, правда?! Подавись!

Не выдержав, девушка всё-таки сдёрнула с рук перчатки и, швырнув их под ноги, демонстративно полезла под робу в поисках сигарет и зажигалки.

– Зачем ты привёз её сюда, Марк? – спросила она, не сводя с девочки взгляда. – Это ведь одна из... Это ведь выжившая, да? И ты притащил её сюда... В свою берлогу...

– Думаешь, лучше было бы прикончить её на месте? – с вызовом произнёс я, на секунду позабыв, что дитя в моих руках не просто бездвижный набор костей и плоти, а мыслящее и живое существо. – Оставить горсткой пепла на земле?..

– Представь себе! – Натали шумно закурила, но, не сделав даже нескольких затяжек, вырвала сигарету изо рта и забегала по моему телу взглядом, кажется, пытаясь найти место, в которое тлеющий бумажный цилиндр можно было бы швырнуть без вреда для внутренностей доспеха или моего бесценного груза. Не обнаружив подходящих целей, девушка просто бросила недокуренную сигарету на металл пола – рядом с перчатками – и, громко топая, принялась зло вытаптывать всё под собой.

– Что тебя так злит? – я нахмурился, ощущая чрезмерное напряжение, повисшее в ангаре.

– А ты не понимаешь?! – на миг оставив пол без внимания, Натали яростно хлопнула себя ладонями по лицу. – Да я на её месте лучше бы умерла тысячу раз, чем... оказаться... в подобном месте! Смотреть, как шайка бандитов обращает в пыль мой дом, и... И выслушивать от ненавистных больных фанатиков их учения о якобы единственно верных картинах мира!..

– Нат...

– Я бы сама себя прикончила!

– Натали, хватит! – я повысил голос так резко и вложил в два простых слова такую силу, что заставил замолчать не только свою сорвавшуюся к истерике собеседницу, но и весь чёртов ангар вокруг неё.

Десяток инженеров-механиков разом остановил всю работу, и со всех сторон на нас – будто на светоч в центре беспроглядной пучины – начали коситься удивлённые пары глаз. Даже девочка на моих руках затрепетала от этого возгласа, заставив меня испытать мгновенный стыд.

– Кто-то иной – Кирилл, например – твои слова счёл бы проявлением экстремизма и даже больше того – ереси! – процедил я сквозь зубы, стараясь не повышать тон сильнее, чем того требовала необходимость. – И если подобное произойдёт, то ни я, ни твои вассалы в этом ангаре уже ничего не смогут поделать. Ты понимаешь?..

Натали закусила тонкую губу и сдержанно шмыгнула. Её красивые глаза начали постепенно краснеть от слёз, но причиной тому был, судя по всему, не страх перед опасностью попасться на сквернословии, а сам факт того, что её отчитал, как ребёнка, какой-то никчёмный парень... Наверное, подобного с ней раньше просто не случилось.

– Я давно тебя знаю, – мой голос дрогнул от волнения. – И давно к этому привык. Но прошу тебя – будь осторожнее...

Натали подняла на меня взгляд, и в её изумрудных сверкающих от слёз глазах я прочитал единственный ответ, который боялся там найти: «Ты не понимаешь!..», – беззвучно кричала девушка, не желая принимать мой совет, отмахиваясь от него изо всех доступных сил.

Облизнув сохшиеся губы, я мысленно приказал «Возмездие» занять пустующий диагностический модуль и отвернулся от Натали. Мы с ней не могли понять друг друга – и не собирались понимать. На этом в разговоре можно было поставить точку.

– Да, и всё-таки, – бросил я, стараясь не смотреть в сторону девушки-механика. – Займись, пожалуйста, фильмами.

Меня здорово разозлила Натали и её несдержанные слова, но больше всего – то, что в одном она была всё-таки права: под командованием Кирилла наш отряд напоминал скорее банду вольных наёмников, нежели организованную силу, наконечник копья Императора, несущий ярость и силу Его. И эта правота уже не позволяла просто перечеркнуть все остальные пылкие заявления девушки, а саму её признать далёкой от вменяемости...

Я покинул ангар в тяжёлом молчании, представляя, как Кирилл мог бы забить Натали насмерть на том же самом месте, где та посмела бы поставить под сомнение верность Пути Императора – и он ведь, несомненно, прикончил бы её без сожалений и малейшего сомнения, лишил жизни талантливого механика за один только грех инакомыслия... И осознание это тревожным звоночком билось у меня в голове.

Конечно, Кирилл был бы прав! Но... Мне не хотелось терять Натали. Не таким образом! И потому я очень надеялся, что в следующий раз, желая излить свои дурные мысли, она сумеет удержать язык за зубами!..

Стиснув зубы, я посмотрел сверху вниз на безмолвный живой комочек, что покоился у меня на руках, и ощутил странное сомнение в правильности собственных действий. Каким-то диким образом Натали всё же умудрилась подействовать на меня и вселить лёгкую неуверенность в том, что спасённый от смерти человек может быть не только привязан к прошлому – но и откровенно несчастен! Спасённый представителем самой могущественной стороны на планете, с перспективами, отличными от удобрения пеплом почвы...

Я негромко выругался и покачал головой, удивляясь собственной внушаемости.

Покинув ангар, мы вышли к перекрёстку из трёх низких, обитых прочным металлом коридоров с мелкой решёткой вместо пола, сквозь которую проглядывались сложные механизмы и заросли толстых проводов, и россыпью блеклых прямоугольных ламп у самого

потолка. Слева и справа от меня, в глухих тупиках, располагались винтовые лестницы, соединяющие три основных уровня транспортёра с одним техническим, расположенным внизу, прямо меж громадных гусениц. Коридор же напротив – чуть ярче освещённый и лучше вычищенный – был пронизан серией боковых проходов, ведущих к внутренностям жилого блока. Здесь, надёжно спрятанные за слоями внешней брони, у самого основания металлического колосса располагались обиталица личного состава. Я мог бы назвать их каютами, комнатами или апартаментами – как угодно, на самом деле – но, наверное, ни разу так и не приблизился бы к истине... Эти крохотные каморки трёх метров в длину и двух в ширину, лишённые каких бы то ни было удобств, кроме самых необходимых, не соответствовали обычным представлениям о жилье, но, в то же время, предоставляли всё, что могло потребоваться имперскому солдату или инженеру: уединённость, личное пространство и – что самое главное – безопасность.

Мой жилой кластер был по обыкновению тих и тёмн: кто-то возносил молитвы Императору и Её Высочеству Авроре, скрывшись за непроницаемой стальной пластиной двери, другие отсыпались после ночных дежурств или штудировали тома Имперского Слова – и я, наверное, охотно присоединился бы к последним, если бы не странный живой груз, что тихонько посапывал в моих руках, то и дело норовя соскользнуть по гладкому покрытию пилотского комбинезона.

Мгновенно считав мой образ, телосложение и картину сетчатки, старенький, но надёжный сканер удовлетворительно зашуршал, и дверь моей каюты – толстый лист пуленепробиваемой брони – лениво уползла вбок, почти полностью скрывшись в заржавленной стене.

Мой дом на время военной кампании остался неизменным с тех пор, как я покинул его перед последним заданием: утопленная в стене справа койка была тщательно заправлена, а лежащая у её изголовья книга в потёртом красном переплёте – бережно заложена целой россыпью небольших разноцветных закладок. Тумбочка напротив входа – сплошной кусок металла с тремя выдвигаемыми ящичками, впаянный в пол – была прикрыта отрезом рубиновой ткани с золотым шитьём, а прямо на ней, купаясь в ярких отсветах кровавой краски, сверкала небольшая круглая лампа. Слева же, теряясь в поверхности стены, располагался неглубокий шкаф, поделённый на две секции, предназначенные для разделения полевой и парадной одежды. На полу лежал обесцветившийся от времени коврик, на котором уже почти не осталось ворса – наследие давно минувших времён, каким-то невероятным чудом ставшее частью творимой истории.

В каюте пахло маслом и чем-то ещё, чем-то кислым и как будто бы металлическим на вкус – механические запахи проникали из машинного отделения сквозь щели пола в любое время, даже когда транспортники стояли без движения – но это неудобство не шло ни в какое сравнение с рёвом работающих двигателей и грохотом внутренностей машины, почти неразличимыми сейчас, но весьма явственными в пути.

Наверное, это место нельзя было назвать подходящим для ребёнка – тем более, юной девочки – но я, к сожалению, не мог предоставить лучших условий.

Осторожно пройдя внутрь помещения, я со всей возможной аккуратностью положил девочку на кровать, а сам, позволив себе вздох облегчения, поспешил избавиться от липкого костюма и переодеться в свободную одежду для тренировок – отчего-то взгляд упал именно на неё, а утомлённому нервной ночной работой разуму было уже не до капризов.

Когда я вновь повернулся к кровати, девочка уже как будто бы спала – во всяком случае, её глаза были закрыты, а маленькие кулачки уже почти перестали дрожать. Осторожно перевернув томик Имперского Слова с кровати на тумбу, я прилёг рядом с выжившей – на самый краешек кровати – и ощутил странную гордость за собственное решение... Я был *прав*, решив подарить девочке жизнь, и доказательство моей правоты сейчас тихонько сопело рядом, измотанное и выбитое из жизни, но всё равно невыразимо милое и светлое. Чумазое личико каза-

лось спокойным и умиротворённым, и я уже потянулся к нему, желая смазать пальцем особенно жирное пятно гари, когда в дверь вдруг постучали. Негромко, но настойчиво.

Я медленно втянул воздух сквозь зубы, разрываясь между возмущением и любопытством. С одной стороны, мне совсем не хотелось отстраняться от новообретенных комфорта и спокойствия, а с другой – было крайне интересно узнать, совпадало ли моё осязаемое предчувствие о личности неведомого гостя с действительностью.

Решившись, я осторожно отстранился от девочки и поднялся с кровати. Попробовал размять соскучившиеся по действию мускулы в надежде, что этого времени гостю хватит, чтобы назвать себя или вовсе уйти прочь, но, подгоняя меня, стук повторился вновь – глухой, наполовину съеденный толщиной двери, но всё столь же напористый, сердитый даже.

Я тяжело вздохнул и в два шага миновал расстояние до выхода. Тронул пластину магнитного замка и, ничуть не удивившись, встретил за отъехавшей в сторону пластиной брони два пылающих изумруда глаз, будто бы сверкающих ещё ярче в неухоженном полумраке жилого корпуса.

– Так и знала! – прошипела Натали, отпрянув назад. На ней уже не было рабочей робы – только свободные штаны и лёгкая белая маечка, едва-едва прикрывающая небольшую округлую грудь – но у меня всё равно не получилось увидеть в госте кого-либо ещё, кроме задиристого юнца-механика.

– Что ты знала?.. – устало поинтересовался я, уже чувствуя направление грядущего разговора.

– Знала, что ты потащишь её, – пальчик Натали указал на девочку, что лежала в моей кровати. – В своё грязное логово!.. И... бросишь там, как куклу...

– Я просто уложил её спать!

– Просто уложил!.. – девушка злобно фыркнула, не переставая осуждающе покачивать головой. – Поразительно! А ты не подумал, что у неё могут быть какие-то ещё потребности?.. То есть... Ты даже не позволил ей смыть с себя остатки спалённого дома и... что если девочка просто хочет в туалет?.. Или испытывает голод?! У неё же нет этого вонючего костюма, вроде ваших, который мог бы принимать все выделения и без проблем их утилизировать!..

– Нат, Нат, позволь мне возразить, – я примирительно поднял ладони, надеясь, что боевой азарт собеседницы не зашёл ещё слишком далеко. – Я обо всём подумал: еду принесу позже, а обо всех остальных надобностях она, думаю, сообщила бы мне сама. Без твоего вмешательства.

– Сообщила... сама?! – лицо Натали исказилось и как будто бы стало старше: под глазами залегли глубокие тени, а в уголках губ прибавилось глубоких морщин. – Ты кем себя возомнил, Марк? Кем?.. – тихий голосок девушки с каждым словом набирал силу. – Родным братом?! Или, быть может, отцом?! Членом чёртовой семьи?.. – чуть не сорвавшись на визг, Натали сделала над собой усилие и продолжила уже совсем тихо: – Ты урод. Чудовище. Мразь, которая лишила её всего. С чего бы ей вообще с тобой разговаривать?..

Сделав шаг в коридор, чтобы тихо закрывшаяся дверь скрыла наш с Натали спор от спящей девочки, я отдельно произнёс:

– Я. Спас. Ей. Жизнь...

– Ты говоришь это так, словно вытащил её из какого-то стихийного бедствия... Но это... Это не так... Тебе всю жизнь придётся воздавать хвалы небесам, если девочка вообще промолвит хоть слово...

– Хвалы... небесам?.. – я зацепился за странное словосочетание, отчего-то почувствовав себя очень глупо – нет, не от пылкой тирады Натали, а одной только этой фразы. – Зачем кому-то вообще... разговаривать с небом?..

– Это единственное, что тебя зацепило, да?.. – Натали закусила губу и отвела взгляд в сторону. – Ну конечно, как же иначе... Знаешь, Марк, у моего народа так принято. Мы верим,

что оттуда, сверху, на нас смотрит Пятёрка Творцов – и именно их волею с людьми происходит то, что должно происходить...

– Твой народ?.. – удивлённо переспросил я, окончательно запутавшись. Я никогда прежде не интересовался прошлым Натали и её взглядами на жизнь – в этом не было необходимости – и теперь получал больше ненужной информации, чем мог осилить за раз.

– Это ведь так удивительно – встретить среди подданных Империи не-имперцев, да?.. Или ты думал, что цвет моей кожи – это результат воздействия света от сварки? Полноценный стойкий загар, без проблем и переплаты! Вот это успех, не так ли? – тон Натали скатился от едкого сарказма к тяжёлой, гнетущей обречённости. – Мы просто существовали у границ вашей Империи сетью разрозненных общин. Старались устраивать быт, верили в Пятерых и не делали никому зла. Пока не пришли солдаты...

– И почему же ваша Пятёрка не защитила своих фанатиков?.. – я зачем-то попытался надавить на девушку. Как будто бы злая желчь могла запросто выбить всю еретическую дурь из головы Натали.

– Я не знаю, – Нат пожала плечами и отстранилась от меня, пряча взгляд. – Наверное, Они дали нам такое испытание, чтобы проверить нашу веру и в нужный час... освободить всех истинно праведных от этих оков...

– А может, военный кулак Империи во главе с самим Императором просто оказались сильнее ваших оккультных духов?.. – мой вопрос подействовал подобно удару – заставил девушку согнуться вдвое и схватиться за майку на животе в приступе дикой ярости.

Выстрелив мне в голову взглядом ярких зелёных глаз, Натали не произнесла ни слова. Только ноздри её бешено вздувались от частых гневных вдохов, но этого было недостаточно для победы в споре. Я был прав, и с этим уже ничего нельзя было поделать.

– Какой же ты... упрямый дурак, – процедила девушка сквозь зубы, шурясь от бессильной злобы. – Типичный имперец...

Мне нечего было сказать в ответ. И, вместо этого, я попробовал перевести тему:

– Но твоё государство... твой народ... Выходит, вы стали одним из первых камней у основания императорского трона?..

– Вы так отзываетесь о жертвах своей агрессии? Мило, мне нравится, – Натали горестно фыркнула. – Но ты прав. Мы попали под удар одними из первых. Я тогда была совсем ещё ребёнком и плохо помню детали, но... Этот кошмар до сих пор приходит ко мне во снах. Грубыми, размазанными картинками. Тогда в одночасье не стало ни моего города, ни большой семьи, ни духовных братьев по церкви...

– Но ты выжила, – с нажимом произнёс я, пытаюсь подчеркнуть важность самого факта.

– Это не жизнь, Марк, не жизнь! Крутится среди людей вроде тебя, озабоченных только лживыми идеями какого-то фальшивого пророка, не имеющего отношения ни к Пятёрке, ни даже к их самым дальним посланникам... Лучше бы я умерла вместе со всеми...

Я хотел сделать шаг вперёд и вклепить Натали хорошую пощёчину за ересь в адрес Императора и его священных догм, но не смог. Не смог даже сдвинуться с места.

– Я понимаю эту девочку лучше, чем кто-либо другой, – Натали поджала губы, сдерживая рыдания. – Меня ведь тоже «спасли» чудовища вроде тебя...

Она умела говорить с кавычками. Произносить слова так, что слушателю оставалось только поёжиться от пугающей двойственности их смысла.

– И посмотри, чего ты добилась! – я всплеснул руками, пытаюсь прогнать секундную оторопь. – Стала ведущим инженером имперской гвардии! Уважаемым человеком и ценным специалистом!

– Да, – Натали безрадостно усмехнулась. – Я просто гений машиностроения. Довожу до ума технику, которая прольёт кровавые дожди по всему матеру просто потому, что этого захотелось кучке жадных до власти маньяков... Моей участи можно только позавидовать,

не так ли, Марк? Это ведь так здорово – наблюдать, как с твоей лёгкой руки машины смерти отправляются в очередной рейд, чтобы сотворить с кем-то ещё то, что некогда сделали с тобой. Просто потрясающе, Марк. Изумительная участь. Хотя я жадина и не пожелала бы её даже тебе... И... никому больше...

– Ты утрируешь, – сухо одёрнул собеседницу я. – Если бы всё было так плохо – ты просто перестала бы этим заниматься.

– Да, – Натали нервно закивала. – Да, да, наверное! Наверное, я утрирую... Преувеличиваю! И мне действительно нравится вычищать человеческие останки из вашей брони! М-м-м, горелое мясо!.. Лучше и не придумашь! Но, проклятье, знаешь, что злит меня больше всего, Марк? Знаешь?

– Нат, хватит!..

– Меня бесит, что я ничего – абсолютно ничего! – не могу с этим поделаться!

С сильным воем хлопнув себя ладонями по щекам, Натали рухнула на колени и тут же отвернулась к противоположной от меня стене. Сжалась в крохотный комочек, и уже так, сквозь слёзы, продолжила:

– Было время, когда я ещё могла всё это оборвать, покончить с собой и раствориться в пустоте, но... Теперь уже слишком поздно! Слишком! Я увязла в этой грязи по самое горло! И не смогу выбраться... Потому что это – часть моей жизни... И ты... ты тоже... Как я могу бросить всё это? Кто вместо меня будет заниматься улучшениями вашей брони?.. Прикручивать разные забавные устройства, которых нет и не может быть в чертежах – потому что тупой имперский очкарик-учёный не представляет, *что* такое полевая работа и что *необходимо* настоящему солдату... Я привыкла к такой жизни, Марк. И это... Разрушает меня изнутри... Сжигает каждый новый день до состояния грязного праха...

Исповедь Натали оставила меня без слов. Но она и не ждала ответа от имперского вояки. Просто выпалила разом всё, что копила в себе долгие годы – и только потому, что нашла, возможно, единственного слушателя, который не отправил бы её в печь с табличкой «еретик» на шею...

– Ненавижу вас всех, – выдохнула Натали, утирая слёзы. Она уже пережила главный удар приступа истерии и теперь просто пожинала сопутствующие плоды: мучилась дикой головной болью, разбухшими от слёз веками и неровным, полным всхлипов дыханием.

Она пришла сюда не из-за девочки. Нет. Та была только катализатором, последней каплей в чаше терпения, что позволяла Натали встречать каждый новый день с высоко поднятой головой.

– Ты... только перед Кириллом... ничего подобного не произноси, – зачем-то посоветовал я. Просто чтобы разбавить угнетающую глушь после минувшей бури.

– Кирилл?.. – кажется, Натали не сразу поняла, о чём вообще идёт речь. – Кир... Кирилл?! Опять?.. Ты только о нём и говоришь круглые сутки?.. Что за болезнь, Марк?..

Натали обернулась через плечо, взглянув на меня с неподдельной обидой и даже едва заметным возмущением.

С трудом выдержав этот взгляд, и не отвернувшись, я пожал плечами и с максимальным спокойствием произнёс:

– Я просто забочусь о тебе, только и всего...

– Обо мне, – Натали закатила глаза. – Если бы ты заботился обо мне, то не засорял бы фильтры... всякой... мерзостью, – последнее слово она произнесла с явной неприязнью к самой себе, наверное, чувствуя вину за столь пренебрежительное отношение к тому, что могло быть человеческими останками. Пусть и очень малой их частью.

Возникла тяжёлая пауза, прерываемая только шмыганьем Натали и моими неловкими покашливаниями. Коридор был пуст и глух к нашим спорам, и, если за окружающими нас дверями жилых камерок кто-то и мог нас услышать – то не подавал никакого вида. И... Я

совершенно позабыл об обитателях этого места – тех, кто мог бы рассказать о нервном срыве Натали тем, кто был бы в этом крайне заинтересован...

Будто бы прочитав мои мысли – хотя, скорее всего, легко догадавшись обо всех сомнениях по выражению моего лица – Натали криво усмехнулась и промолвила едва слышно:

– Я отправила всех рабочих из этого блока на дополнительную проверку деталей грузовика, а местные солдаты или на задании, или крепко спят...

– Всё предусмотрела, – заключил я, ощутив странный дискомфорт. Меня как будто бы использовали в одном из шагов продуманного плана – и это несколько обескураживало. Пусть даже речь шла о Натали, а не какой-то там штабной шишке.

– Наверное, это было мне необходимо, – девушка грустно улыбнулась самой себе, глядя в ровный металл стены. – С этой работой... Иногда забываешь, что можешь испытывать какие-либо эмоции, и... Я предполагала, что сорвусь...

– Я... понимаю, – ответил я, хотя едва ли мог понять и десятую долю того внутреннего мира Натали, что мне открылся за один только этот разговор на повышенных тонах.

– И всё же... – губы Натали дрогнули. – Девочка... Предоставь её мне... Хотя бы на полчаса. И... я позабочусь о ней... попробую...

– После всего, что ты наговорила?..

– Знаю, знаю, – девушка хохотнула, давась слезами, и подняла руки над головой, словно преступница, пойманная на месте ограбления. – От меня теперь очень странно ждать чего-то хорошего, но... Я не буду её убивать. И толкать к самоубийству тоже – хотя видят небеса, очень того хочу... Ты получишь её в целостности и сохранности...

Я только хмыкнул в ответ, пытаясь одновременно выказать открытое сомнение в словах собеседницы и лёгкую растерянность, допускающую вероятность её искренности.

– Я не чудовище вроде вас, Марк, – Натали провела по лицу дрожащей ладонью и, наконец, поднялась во весь рост. – Мне не нужно убивать детей, чтобы самоутвердиться. И... я понимаю, что к лучшему уже... ничего не изменить. Ни одним из возможных путей. А потому... я просто попробую сделать, что смогу, чтобы скрасить её безумие и не допустить того, чтобы оно привело к *моему* нынешнему состоянию. А дети... они ведь как машины... Очень сложные, технически нестабильные машины. И... я же обожаю всё, что связано с механизмами... Ты знаешь...

Да, я знал. Знал лучше, чем кто-либо другой. И потому почувствовал себя особенно виноватым перед этой девушкой – сломленной, но не сломанной, живущей в своём вывернутом наизнанку мирке и до сих пор цепляющейся за некие абсурдные верования, только чтобы сохранить хоть какую-то память о собственном прошлом. Вынужденной отдавать всю себя работе над машинами убийства, только чтобы протянуть хотя бы ещё один день наедине с собственным воплощённым кошмаром.

– Хорошо, – я угрюмо кивнул. – Я... предоставлю её тебе... Только...

– Понимаю, Марк, – ладошка Натали – почти невесомая, хотя и весьма крупная для девушки с её телосложением – легла на моё плечо. – Я всё прекрасно понимаю. И, согласись, женщина, идущая с ребёнком на руках, вызывает куда меньше ненужного интереса, чем потный омерзительный солдафон.

Наверное, это было очень глупо с моей стороны, но, взглянув в зелёные глаза Натали и встретив её слабую улыбку, я смог подумать только об одном: о том, как странно было видеть в этой смуглой девушке с жёсткими тёмными волосами коренную жительницу Империи... Нет, не то чтобы я вдруг перестал узнавать в ней человека – подобной радикальностью взглядов отличались многие подданные Императора, но отнюдь не все – просто с этого момента я начал воспринимать её несколько иначе. Увидел ту странную чуждую притягательность, к которой был слеп раньше.

Не в силах отделаться от новых зудящих впечатлений, я неуклюже улыбнулся и, не глядя тронув электронный замок двери, позволил Натали пройти в мои апартаменты. Несколько секунд спустя та вновь появилась в коридоре – уже с выжившей девочкой на руках – и, сияя непонятным для меня выражением благоговейного трепета на лице, побрела к выходу из мрачной металлической трубы, в которой мы оба – да и не только мы – были заключены. Она не проронила больше ни слова и даже не взглянула в мою сторону; просто прошла мимо, будто меня вовсе не существовало на карте её вселенной – и растворилась в пустоте тускло освещённого перекрёстка.

Я простоял на одном месте ещё несколько минут, прислушиваясь к собственным ощущениям и окружающим звукам – среди которых главенствовало глухое урчание механизмов под ногами – и неспешно вернулся в каюту. На тумбе меня ждала перечитанная много раз копия «Имперского Слова» в редакции Её Высочества Авроры – труд, заслуживающий беспредельного уважения и внимания – и, почувствовав в руках массу увесистой книги, я закрыл глаза и начал негромко зачитывать по памяти выдержки из учения многих поколений императорской семьи.

Ибо плоть была слаба, и только разум, точно клинок, выкованный в горниле уверенности и силы, мог противостоять искушениям трусости, безволия и пустой гордыни. Только благие помыслы и доверие к брату своему под солнцем вечным могли спасти от разложения души и гибели тела. И не было в мире лучшего способа разобраться в себе, чем Слово Его, дополнившее изречения Его предков, истинно верное и подкреплённое мудростью Его подрастающей наследницы...

На миг замаявшись, я резко зажмурился и, не сдержавшись, процедил сквозь зубы:

– Ты же знаешь, дура, о существовании Слова – и всё равно продолжаешь верить в свою Пятёрку?..

Хотя, конечно же, было сказано Им: «И останется животное животным, и не научишь грязного варвара человеческому бытию – только Истина в вере отличает Человека от грязи, ошибочно сотворённой по образу и подобию его, и только в конечной смерти грязь сия познает силу Истины и неправоту свою»...

Чуть успокоившись, я открыл книгу на нужной странице и прочитал поправку, сделанную с поистине высоким великодушием Её Высочеством Авророй:

– «Но не смертью единой вольны вы лечить души агнцев заблудших, не только муками и страданием, коими полнится земля наша – но и учением. Но не тем, что допускает правоту несчастных грешников, но тем, что позволяет им проникнуться силой Его и познать краски мира действительного»...

Воистину, мудрость юной Авроры не знала границ – и Натали непременно должна была ощутить всю глубину и мощь Имперского Слова, понять Его заботу о своих подопечных и проникнуться всей бессмысленностью слепого языческого верования!

Я отложил полный Истины том в сторону и, откинувшись на кровать, удовлетворённо прикрыл глаза.

Не знаю – как, но я ощутил приближение Натали даже сквозь лёгкую полудрёму. Почувствовал странное тепло в груди и как будто бы даже услышал шлёпанье маленьких ножек девочки по холодному металлу пола... Это было тянущее, настойчивое наваждение, под действием которого мне пришлось подняться с кровати и подойти к двери за миг до того, как чья-то ладонь легла на панель сигнала-вызова.

Комнатку сразу заполнил звук – мелодичный перезвон, окончательно прогнавший остатки моего сна. Но, не дав ему толком заявить о себе, я открыл дверь и, словно бы почувствовав, куда нужно смотреть, встретил отсутствующий взгляд больших небесно-голубых глаз, слабо мерцающих в дёрганном свете электрических ламп.

Девочка узнала меня не сразу – это читалось в убийственном безразличии, сковавшем её личико – но, поддавшись воспоминаниям, она вдруг всхлипнула и растерянно мотнула головой. По щекам её побежали бусинки слёз, но, к счастью, это не был припадок неконтролируемой истерики – просто последствия невероятного стресса, которые выжившая жертва рейда даже не могла толком осознать.

– Ну вот, опять, – кисло улыбнувшись, Натали присела на одно колено рядом с девочкой и, достав из широкого кармана носовой платок, принялась бережно вытирать её щёки. – Твоя подопечная проплакала всё это время... Почти без перерыва. Пока я мыла её и пыталась разговорить – получались у нас только слёзы... Стало чуть спокойнее только тогда, когда я пообещала вернуть её сюда как можно быстрее...

– Да? – я удивлённо хмыкнул.

Окатив меня по-настоящему странным – я не мог найти в нём ни намёка на знакомые эмоции – взглядом, Натали вдруг привстала с колена и с нажимом произнесла мне в самое лицо:

– Похоже, у неё проявляется один из этих чудовищных синдромов – ну, вроде того, при котором заложник испытывает симпатию к своему захватчику... И, знаешь, меня это просто бесит!..

– Тебя бесит, что ей хочется быть рядом со мной?.. Что здесь она может чувствовать себя спокойнее?..

– Можешь считать, что так, – Натали отодвинулась от меня и тут же сменила маску на лице – вновь стала чуть рассеянной, но доброй девушкой с мужскими замашками и лёгкой неуверенностью в себе. – Как бы то ни было, мы с ней неплохо провели время: приняли ванную, навестили столовую с чёрного хода и даже заглянули в мою комнату...

– Тут есть что-то ещё, кроме холодного душа?.. – подняв брови, я сделал шаг назад – насколько позволяло пространство комнаты – и жестом пригласил гостью внутрь. Та, впрочем, осталась безучастной. И девочка, что стояла рядом, тоже не думала двигаться с места.

– Бак, в котором обычно промывают детали для доспехов и техники, – с наигранной гордостью объяснила Натали. – Мы с ребятами иногда очищаем его от химических растворов и просто заполняем горячей водой – выходит просто изумительная ванна, в которой для полного счастья не хватает только пены...

Натали запнулась. И закусила нижнюю губу, пожалев о сказанном. Нет, не о тираде про замыслы инженерного отдела – скорее, о единственном слове, которому в её словаре, наверное, просто не было места. «Счастье», – едва ли девушка могла в полной мере знать, что это такое – и... это, наверное, на мгновение выбило её из равновесия.

– А имя? – задал вопрос я, обратив всё своё внимание на личико юной спутницы Натали – светлое и очень правильное, кажущееся совсем другим без пятен копоти и кровавых разводов. – Она... не назвала своего имени?..

– Ни слова, – ответила Натали, потупившись. – Вообще... Ни единого...

Крепко зажмурившись, девушка подтолкнула безымянную спутницу в спину и, не прощаясь, скрылась в пустом коридоре. Только звук её удаляющихся шагов ещё можно было разобрать снаружи, а потом с шумом закрывшаяся дверь лишила меня и этого контакта с Натали. Будто бы слабая нить, протянувшаяся меж нами, лопнула, не успев толком проявиться...

Я уселся на диван и смущённо прокашлялся, не представляя, что теперь делать с тихонько всхлипывающей девочкой. Наверное, мне пригодилась бы помощь Натали и в дальнейшем – но обратиться к иноверке с подобной просьбой сам я не мог...

– Надо было одежду твою постирать, – зачем-то произнёс я, окинув взглядом грязную пижаму девочки. – А то сейчас снова вся запачкаешься...

Не дождавшись ответа, я протянул руку к своей необычной гостье – та, к счастью, не стала отстраняться – и взял её крохотные пальчики в свою ладонь. Они дрожали – мелко-мелко –

и казались невероятно холодными, даже тепла моей руки было недостаточно, чтобы справиться с этим замогильным холодом. Даже второй моей ладони оказалось мало – мои пальцы начали замерзать быстрее, чем крохотная ручка девочки – отогреваться...

– Не бойся, – произнёс я почти что одними губами, силясь преодолеть засевший в горле ком. – Теперь тебе нечего бояться... Никто и ничто не причинит тебе вреда... Поэтому просто доверься мне... Пожалуйста...

Выпустив безвольную – и всё столь же холодную – руку девочки, я неловко поднялся с кровати и жестом предложил новой обитательнице каморки прилечь к стене, чтобы потом улечься рядом с краю, но та как будто бы даже не видела меня, хотя и буравила взглядом пустоту неподалёку от моего левого плеча.

– Ладно, – я, почувствовав себя несмешным клоуном на детском утреннике, с деланной радостью хлопнул в ладоши и указал на тумбочку позади себя: – Тут есть одна замечательная книга! Хочешь, я тебе прочитаю?..

Девочка оставалась безучастной.

– Или ты сама?.. Ты ведь... умеешь читать, да?.. В Империи дети твоего возраста уже сами начинают книги писать – и семьями обзаводятся!.. – конечно же, я сильно преувеличивал, но в моём арсенале было катастрофически мало инструментов для общения с ребёнком – тем более, пребывающим в состоянии тяжёлого шока – и простейший вымысел показался тогда чуть ли не лучшим решением.

Не дождавшись ответа, я поднял с тумбочки толстый том Слова и, по механической памяти открыв нужную страницу, начал читать, впрочем, даже не глядя на истончившиеся от регулярного использования страницы:

– И суждено было и будет впредь всякому отпрыску человеческому оставаться продолжением воли предков своих и вершить свою судьбу во имя их, дабы не постыдился Человек за самого себя и не покрыл позором род свой! И будет дитя Человеческое равно в правах отцу и матери своим, и получит оно право быть лучше, умнее и сильнее ради общего блага... И получится...

Я запнулся на полуслове, обнаружив, что на месте крошечной пустоты в глазах девочки появились искорки нового выражения – как мне показалось, сильной растерянности. Она, похоже, понимала определённые слова из книги Истин – но не могла связать их в цельные формы... Но осознавала, наверное, что я намеревался донести что-то действительно важное...

– Мне объяснить попроще?.. – воодушевившись малейшим проявлением эмоций в глазах молчаливой спутницы, я припал на одно колено и оказался на одном уровне с её озадаченным личиком. – Другими словами, да?.. Или?..

Голова девочки медленно повернулась из стороны в сторону. Так тяжело и странно, как если бы под тонкой светлой кожей скрывались насквозь проржавевшие механизмы.

– Нет?.. – удивлённо переспросил я, отстраняясь. – Почему – нет?.. Это же... Истины...

– Папа... – хриплый голосок девочки оборвался после этого слова, сменившись частыми – с хрипотцой – вздохами, но вскоре вновь обрёл пусть незначительную, но всё-таки силу: – Папа такие книги... – было видно, что выжившая малышка пыталась сделать над собой очередное чудовищное усилие, – Сжигал... на заднем дворе...

Я сдавил переплёт Имперского Слова так сильно, что из резко схлопнувшихся страниц выскользнули почти все закладки.

– Почему?.. – протянул я, чувствуя, как клокочет внутри тупая злоба, но не желая выпускать её наружу.

– Потому... – девочка вздрогнула и отвернулась, чтобы не встречаться со мной взглядом. – Потому, что это... писанина для слабых умом, готовых поверить в любую глупость ради собственного спокойствия...

Это были не её слова. Не её. Дитя просто процитировало своего отца – заслуженно принявшего смерть в геенне огненной! – и не отдавало себе отчёт в произнесённой ереси... Да. Именно так. Девочке было слишком тяжело понять всю мощь Империи и осознать, что государство, занявшее уже половину исследованной суши, не стоит сравнивать с кучкой дураков, тешащих себя лживыми страницами фальшивой религии!

– А Натали? – я, наверное, сменил тему слишком уж грубо, и девочка тут же вздрогнула, потупив взор. – Эта женщина с коричневой кожей. Худая. Невысокая. Она тебе понравилась? Вы ведь во многом похожи.

Моя немногословная гостя вновь замолчала, но в этот раз её начала колотить сильнейшая дрожь... Дрожь страха и адреналинового возбуждения. Ведь замолкнуть после несдержанных слов – совсем не то же самое, что молчать с самого начала. Это безмолвный вызов, чуть ли не прямое оскорбление.

– Ты не хочешь говорить о ней? – поинтересовался я уже чуть спокойнее, усиленно заставляя себя отойти от недавней злобы и вновь стать мягким и дружелюбным наставником. – Или пока не знаешь?..

По-прежнему пряча взгляд, девочка легонько пожалала хрупкими, точно у фарфоровой куколочки, плечами.

– Хорошо, – я примирительно вздохнул и уселся на кровать рядом с собеседницей. – Не будем об этом... Но скажи хотя бы, как тебя зовут?.. Твоё имя... Я – Марк. Та, что водила тебя мыться – Натали. А ты?..

Слегка обиженная моим тоном и снисходительным – точно к младенцу – обращением, девочка нахмурилась и едва слышно буркнула:

– ...йя...

– Что?.. – переспросил я, придвинувшись чуть ближе.

– Май... Майя, – произнесла малышка чуть громче, сделав коротенький шагок назад. – Меня зовут Майя...

Она не назвала фамилию. Потому что подсознательно понимала – в этом больше не было смысла. Не осталось никого и ничего, с кем её связывал бы этот набор букв, и имя – единственное, что ей осталось. Как у любой другой вещи – камня, дождя или солнца...

– Хорошо, Майя, – промолвил я, взвешивая на языке это новое имя – непростое, интересное, текучее. – Я рад, что мы друг друга поняли...

– Нечему радоваться, – отозвалась Майя, сжав крохотные кулачки. – Мы ведь на одном языке говорим... Почему бы мне не понять?..

– Ты прекрасно знаешь, о чём я...

– Мы одинаковые...

– Нет, – я улыбнулся, приняв слова девочки за глупую шутку. – Нет, это не так.

– У нас один цвет кожи, слова те же и даже... даже на руках по пять пальцев! – в Майе вновь заговорила сдавленная ненависть к тем, кто, по её мнению, захватил её родном дом. – Так почему же?! Зачем вы... делаете... это?..

Всхлипнув, она сползла на пол – сперва опустила на колени, а потом и вовсе уселась у самого шкафа.

– Ты поймёшь, – прошептал я негромко, намереваясь высказать своё мнение и в то же время стараясь не быть услышанным. – Обязательно поймёшь чуть позже...

Вскоре Майя окончательно обессилела от слёз и стрессов: притихла, вжимаясь в холодную дверь шкафа, и как будто бы даже дышать перестала. Обратилась в красивую маленькую статую, чуждую не только интерьеру моей конуры, но и убранству всей имперской ставки как таковому. И нельзя сказать, что мне вовсе не было жалко её, эту маленькую жертву войны, но какой-то рычаг в моей голове – замкнувшийся контакт или ослабившаяся гайка – не позволял ощутить её боль в полной мере; подталкивал к чуть раздражающему замешательству:

зачем нужны были эти слёзы и бессмысленные истерики, когда всё закончилось куда лучше, чем могло бы, и теперь перед девочкой открывались новые, недостижимые в прошлой никчемной жизни перспективы?!

Наверное, мне не дано было её понять... И одно только принятие этого факта отличало меня от большинства имперских подданных – делало совершенно другим человеком. Слабым. Податливым. Готовым к компромиссу.

Мне не хотелось быть представителем такого рода, но воспитание давало о себе знать: родители не поскупились в живописаниях важности человеческой жизни и ответственности перед самим собой, и после их смерти это притупило часть моих бойцовских инстинктов, заставило обратиться к собственному стыду и тем идеям, что они пытались доносить до мира даже с последним вздохом.

Я был плохим сыном. Плохим солдатом. И плохим наставником для маленькой Майи. А Империя... Империя обычно не прощала подобных ошибок.

Я, надеясь отстраниться от ужасных мыслей хотя бы во сне, бережно перенёс бездвижное тельце девочки на кровать – в уютное пространство у самой стены – а сам лёг с краю, на бок, так, что едва-едва не скатывался на пол. Впрочем, утомлённому организму было достаточно и такого сомнительного удобства: не успев даже выбрать точку наилучшего баланса, я прочно завяз в ловчей яме тяжёлого сна.

Мне сходу начали грезиться картины войны. Войны без начала и конца, что бесконечным кровавым потоком неслась сквозь искалеченные тела людей, вытягивая скорбящие души и лишь набирая силу с каждой последующей жертвой...

Мне снилась реальность.

3. Конфликт

Пробуждение моё было обыденным и скучным, серым настолько, что в первые его секунды, только открыв глаза, я даже не мог вспомнить событий минувшего дня – будто бы он ничем не отличался от предыдущих – и просто смотрел перед собой. Пялился в ровный металл стены, пытаясь найти в его шероховатой потёртости ответ на сотню нелепых вопросов. Где-то на краю моего сознания звенел тревожный звоночек догадки, но он был слишком тих, и я, развалившись на пустой кровати, не желал к нему прислушиваться. Это был мой свободный от огня и пепла день – день заслуженного отдыха! – и я не собирался тратить его на какие-то...

Малозначительные...

Глупости.

Проглотив вздох изумления, я подскочил на кровати и торопливо оглядел её от подушки до стыка со стеной – будто бы Майя могла очутиться в одном из этих мест – и лишь после этого, не обнаружив и следа девочки, резко развернулся к оставшейся части комнаты. И тут же замер, не найдя в себе достаточной наглости, чтобы вторгнуться в этот поглощённый инертностью мир.

Майя сидела там, у тумбочки, на выдвигном сиденье, о существовании которого я даже не знал, и разглядывала своё отражение в небольшом прямоугольном зеркале. Так близко – и в то же время на бесконечном удалении от меня, в совершенно иной стране, скрытой завесами непроницаемых стен.

Кажется, она совсем не обратила внимания на моё пробуждение – и просто продолжала смотреться в зеркало, изредка проводя ладонями по седым прядкам волос и зачем-то накручивая их на дрожащие пальчики. Её глаза, пустые и как никогда тусклые, как будто бы даже не видели ничего перед собой, оставаясь декоративной деталью дорогой игрушки – и не более того.

Я осторожно пересел на кровати лицом к Майе, и та, словно бы только сейчас обнаружив моё присутствие, едва заметно покосилась в сторону кровати.

– Я урод, – негромко произнесла она, кривя надутые от горя и разочарования губки. – Страшилище... Мерзкая... швабра...

Уронив на тумбочку несколько слезинок, девочка вновь вернулась к созерцанию своего отражения в зеркале и выхватыванию частых белесых прядей из неровного водопада золотистых волос.

– Глупости!.. – я зачем-то наклонился ближе. – Никакое ты не страшилище...

– Мама говорила, что волосы – одно из главных богатств девушки, – безразличный тон Майи пресёкся негромким всхлипом. – А я... У меня теперь даже этого не осталось...

Я промолчал, не представляя даже, какой ответ мог бы вывести девочку из этого мрачного тупика, а какой – замуровал бы её там ещё на несколько часов. Или даже дней.

– Уродина, – бросила Майя своему зеркальному двойнику. – Полосатая дура... Я пыталась найти хоть что-нибудь, чтобы отрезать эти... белые... штуки... Но тут... не нашлось ничего подходящего.

Девочка спрятала взгляд, и на миг я понял, что мог бы вовсе не проснуться этим утром. Найди та хотя бы слабое подобие лезвия или чего-то подобного – я уже был бы мёртв...

Подчинившись дурному предчувствию, я потянулся кончиками пальцев к горлу и, забыв о дыхании, нащупал там несколько неглубоких царапин с обеих сторон. Следы ноготков.

Она пыталась задушить меня во сне. Но не смогла. Слишком слабы были крохотные ладошки, и тупы – ногти. Однако... это была попытка убийства, а я... воин Империи, проверенный в бою и повидавший такое, о чём не сразу решишься рассказать даже на предсмертной исповеди – даже не очнулся ото сна. Девочка, которой я отдал больше половины армейской койки,

спокойно перелезла через меня, обошла комнату в поисках оружия и, не обнаружив ничего подходящего, рискнула просто вцепиться мне в горло, а я... Я даже не проснулся.

Отсутствие реального противника действительно притупило моё чувство опасности. Притупило настолько, что я не ощутил его, даже встретившись с угрозой лицом к лицу.

А если бы девочка решилась опробовать на мне что-нибудь другое?.. Какой-нибудь простой, но смертоносный способ...

Передёрнув плечами от кошмарной реалистичности пришедших на ум картин, я постарался как можно скорее вычеркнуть их из памяти и заговорил с деланным спокойствием, так, словно не обнаружил никаких следов на своей шее:

– Ты хотела вырезать седые пряди?.. Без них ведь было бы... некрасиво...

– Всё лучше, чем так! – на лице Майи появилась гримаса полного отчаяния.

– Но это, насколько я знаю, не помогло бы... На месте срезанных волос выросли бы такие же белые...

Девочка никак не отреагировала на мои слова. Только поджала губы, уплывая всё дальше на лодке гнетущих размышлений.

Я осторожно подсел ближе к Майе и, заглянув в зеркало из-за её плеча, попробовал обнадеживающе улыбнуться – но улыбка моя разбилась о мрачное отражающее стекло, как будто бы даже не добравшись до взгляда мрачной девочки.

– Ну, перестань, – я заговорил мягким снисходительным тоном, от которого на языке появился противный сладковатый привкус. – Всё ведь не так уж плохо... Тебе даже идут эти белые полосы... Придают экзотический шарм...

– Экзотический?.. – отражение Майи стрельнуло в мою сторону глазками, но в вопросе девочки я расслышал не только сомнение, но и едва заметное любопытство. Она определённо готова была поверить мне – едва знакомому человеку, разрушившему её жизнь – и сама того очень хотела. – Ты... ведь... правду говоришь, да?..

– Конечно же, – улыбнувшись в ответ, я мысленно попросил прощения у всеведущего Императора за эту открытую ложь. – Я говорю правду и только правду!

Майя снова взглядела в далёкие глубины зеркала – на этот раз куда серьёзнее и внимательнее. Повертела головой из стороны в сторону, будто маленькая модница, после чего поймала мой взгляд – посмотрела с недоверием, но уже чуть осмысленней, чем раньше.

– Ты ведь очень красивая, – я рискнул купить доверие Майи простейшей лестью. – Очень! И подобные... необычные... детали... только... подчеркнут... Эту красоту!

Каждое последующее слово я обдумывал дольше, чем предыдущее, и это явно не ускользнуло от внимания девочки. Чуть сощурившись, та уже разомкнула губы, чтобы уличить меня в обмане, когда взгляд мой упал на толстую книгу, что лежала на тумбочке у самых коленок Майи. Уцепившись за эту спасительную соломинку, я подхватил Имперское Слово и якобы невзначай поинтересовался:

– А тебе ведь двенадцать, да? Лет... Или... вы измеряли срок жизни чем-то другим?..

– Годами, – девочка посмотрела на меня, как умалишённого. – Как и все нормальные люди. И мне десять...

– Десять, – удивлённо повторил я, осознав всю глубину своего заблуждения. И мгновенно приняв загадочность мира детей. – Надо же... Просто... девочке, которая написала... Нет, участвовала в создании этой книги... Ей двенадцать, и... Я думал, тебе это может быть интересно...

Десять лет. Десять... Если бы я только знал с самого начала... Если бы только знал... И не начал сравнивать Майю с юной Авророй... Всё могло бы сложиться иначе, и в этой комнате... сейчас находился бы я один.

– Мне десять, – повторила Майя с явным недовольством.

– Да, – я быстро отложил книгу в сторону и соскользнул с кровати. – Конечно, тебе десять... и ты... уже взрослая девочка, да?..

– Нет, – Майя нахмурилась. – Я ещё ребёнок и прекрасно это понимаю... Взрослой я буду только через три или четыре года.

– Ну, конечно, – я не умел общаться с детьми. Тем более, стремительно переходящими в разряд детей сердитых. – Конечно же, через три... или четыре... Ты станешь прекрасной юной леди и сможешь... многого добиться, да?..

Девочка посмотрела на меня как-то совсем не по-детски. Угрюмо и мрачно, с пронзительным пониманием в глазах. Пониманием собственной ничтожности и всей безвозвратной глухоты того тупика, в котором она оказалась по моей милости. И, быть может, это чувство не плавало сейчас на поверхности, но Майя определённо ненавидела меня и желала всей Империи за моими плечами самой страшной участи.

– Ты, наверное, голодна, – произнёс я, пройдясь взглядом по гладкой двери запертого шкафа. – Если хочешь, я могу отвести тебя в столовую и...

Даже не дослушав, Майя замотала головой и надула щёки, как если бы я дерзнул предложить ей нечто непостижимое по своей наглости и грубости.

– Значит, ты не собираешься никуда выходить, да?.. – я выдвинул осторожную догадку, продолжая изучать пространство крохотной комнаты. – Почему?.. Боишься незнакомых людей?.. Или...

– Я не хочу есть, – буркнула Майя, хмуря красивые брови. – И не буду. Совсем.

– Никогда больше?.. – закончил я за маленькую пленницу, отметив в себе эманации распухающего недовольства. – Собралась морить себя голодом?

Девочка не ответила.

Раздражённо выдохнув – злоба появилась сама собой, точно полчище насекомых, прятавшееся под огромным камнем спокойствия – я поднялся с кровати и, бросив последний суровый взгляд на свою новую подопечную, вышел из комнаты. Не знаю, что на меня нашло, но неблагодарность и наглое упрямство той, кому даровали жизнь – единственной счастливице! – вдруг показались мне удушающими. Ещё секунда – и я поднял бы маленькую гордячку за шкуру, как котёнка, и потребовал бы должного к себе уважения!..

В сердцах я снова дотронулся пальцами до следов, оставленных на моём горле ноготками Майи, и на этот раз не ощутил ничего, кроме ледящей крови ненависти к этим варварским, бессмысленным народам, выходцы из которых готовы плевать в раскрытую ладонь и отвечать грубостью на открытое благоволение. Империя совершала правое дело, искореняя этих животных в человеческом обличье, и допущенная мною ошибка – излишнее доверие к человеку чужой крови – служила лучшим тому доказательством.

Заперев за собой дверь на несколько кодовых замков – как будто бы девчонка могла покинуть апартаменты и без этого – я несколько раз вздохнул полной грудью, приходя в себя, и неторопливым шагом направился к столовой, расположенной в хвосте транспортника уровнем выше.

Когда я вернулся в свою каморку – растеряв почти всю свою злость и заправившись порцией армейского завтрака – Майя сидела на кровати без движения, и, только ступив через порог, я обратился в бездвижную статую, пытаюсь понять – что на уме у этой странной девочки. Скрестив ноги перед собой и подперев голову ладонями, она с выражением странной отрешённости пробежалась взглядом по страницам Имперского Слова – что само по себе заставило всё внутри меня возликовать от радости – и как будто бы вовсе не замечала моего вторжения в чертоги новоявленного читального зала.

Осторожно прокравшись вперёд, я поставил на тумбочку небольшую коробку с едой – утренний паёк, выпрошенный у повара специально для Майи – и уселся на самый краешек

кровати. Так, чтобы не мешать маленькой читательнице постигать прелесть большой и умной книги.

«Имперское Слово», покоящееся на острых коленках девочки, казалось сейчас особенно внушительным и важным, а его страницы, изредка сменяющие друг друга на пути к Истине – будто бы тяжелели с каждой секундой, набираясь почтенного знания и стремясь поскорее излить его наружу.

Не выдержав, я подался вперёд и заглянул в книгу, стремясь узнать – что именно постигала пленница за время моего отсутствия, после чего спешно, по памяти, принялся цитировать в уме нужные выдержки и целые абзацы, к которым Майе только предстояло подобраться.

Но, заставив меня подавиться внутренним цитированием, Майя вдруг скривилась и отложила толстенный том в сторону, даже не удосужившись проложить закрываемую страницу одной из множества оставшихся на месте закладок...

И я уже открыл рот, чтобы задать несколько торжественных вопросов, как Майя вдруг заговорила первой. Скривившись, будто от зубной боли, она пожевала одними губами, кажется, не в силах сформулировать нужное предложение, после чего спросила прямо и без изысков:

– А кто такие... богословы?..

Я промедлил секунду, размышляя, стоит ли отвечать отрывками из Имперского Слова, или же найти более понятное для ребёнка определение, и, не определившись с точным вариантом, использовал их странноватую смесь:

– Это скверные люди, скверные и потерянные для общества! – я не сразу совладал с негодующим тоном, хотя изо всех сил старался сохранять спокойствие. — Большинство из них – если не все подряд – верят в небылицы вроде богов и демонов и... Часто посвящают целую жизнь иллюзиям несуществующего мира! Тому, чего нет и быть не может! Они как... как заразная болезнь – развращают слабые умы, заставляя ждать чуда от небес, деревянных статуй и волшебных книг!..

С последними моими словами взгляд Майи упал на том Имперского Слова – и я заметил во всём естестве девочки желание задать единственный неуместный вопрос...

– Именно эти дурные сказочные книжонки предлагал сжигать твой отец, – торопливо надавил я, жирной чертой отчёркивая «Слово» от поднятой темы. – Трактаты о глупых божествах и их версиях происхождения мира... Литературу фанатиков и слепцов!..

Майя, кажется, всерьёз растерялась под моим решительным напором. На её кукольном личике появилось выражение раздумья столь тяжёлого и глубокого, что мне даже стало неуютно за чрезмерную словоохотливость.

Наконец, собравшись с мыслями, девочка подняла взгляд и, подобравшись, точно затравленный ягнёнок, тихонько произнесла единственное слово:

– Нет.

Смутившись, я на секунду отвлёкся от беседы и попробовал восстановить в памяти ход событий – на случай, если какая-то их часть прошла мимо моего внимания – но, не обнаружив изъянов, закусил губу и решил просто дождаться продолжения слов Майи.

– Нет, – повторилась девочка, потупившись. – Папа не эти книги сжигал. Только плохие...

– *Плохие?*.. – переспросил я, тоном проводя перед собеседницей черту, которую не стоило переступать.

– Те, в которых говорилось о неравенстве людей и их веры... И... как бы... ты хороший, если веришь в одного с автором бога, а если не веришь – то тебя ждёт страшная смерть в... агонии... А многие... там даже за людей не считаются, если... ну... выбирают для себя другую веру. Папа говорил, что так нельзя... Нельзя делить людей на правых и неправых только потому, что так тебе говорит пара строчек с грязной страницы...

– Предположим, – процедил я, скосив взгляд на том Имперского Слова – книгу, по всем параметрам более чем подходящую под определение «плохой».

– А ещё... он... говорил, что важна, прежде всего, вера в себя самого. И свои силы... И... если вера в бога – то есть, хорошего, доброго бога – этому помогает... то почему бы... в него не... поверить...

Закончив, Майя поджала тонкие губки и вся сжалась, готовясь к взрыву моей ярости. Она прекрасно понимала, к чему всё ведёт – и всё равно упрямо продолжала гнуть свою глупую линию.

– В богов верят только глупцы, – холодно отрезал я, желая как можно скорее закрыть разочаровывающую тему. – И они же строчат свои безумные книжонки для слабых духом! А это!.. – я стрельнул взглядом в сторону «Имперского Слова» – Труд, сотворённый поколением великих умов! Воплощённый в тексте шедевр! И работа над ним продолжается даже сейчас! Может, в эту самую секунду! Её Высочество Аврора тратит своё драгоценное время, чтобы облачить в прописные слова свою великую милость по отношению к... таким... как ты, – эту фразу я буквально сплюнул сквозь зубы. – И... Что она получает за это?.. Только чёрную неблагодарность?! Сравнение с грязным и невежественным чтивом?..

Голова Майи так глубоко утонула в плечах, что почти слилась с крохотным хрупким тельцем.

Возможно, мне не стоило срывать. Не стоило самому сводить всё к «Имперскому Слову» – ведь сама девочка даже вскользь не касалась этого писания – но клокочущее негодование внутри меня заставляло защищать главную книгу государства любой ценой!.. Быть может, отчасти потому, что она *нуждалась* в этой защите со стороны...

Потому что не была в действительности такой уж...

Истинной.

Издав глухой рык, я мысленно запретил себе разлагающие разум еретические мысли и поспешил спрятать лицо в ладонях, чтобы не пугать Майю ещё сильнее гримасой опустошающей злобы на лице. Наш разговор зашёл в глухой тупик – во многом по моей вине – и это просто выводило из себя!..

– А кто?.. – голосок Майи заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Прохладным ветерком он коснулся моего воспалённого разума, умирив пожары возмущения и гнева. – Кто эта... Аврора?..

Я моментально позабыл обо всём, что было прежде, и с удивлением воззрился на Майю. Её вопрос казался искренним, и в больших голубых глазах читался пусть и слабый – едва заметный за пеленой опасения – но явственный интерес.

С излишней поспешностью, стараясь как можно скорее воспользоваться удачным моментом для начала нового обсуждения, я поёрзал на кровати и приступил к сбивчивому объяснению:

– Её Высочество... Это... дочь самого великого, влиятельного и важного человека в нашем государстве. Родная дочь. Кровь от крови. Её матери, пресветлой Розы, уже нет в живых, но мы все чтим Императрицу так, словно с момента её ухода не прошло и дня... Но мы ведь о Её Высочестве Авроре говорим, да?.. В общем, она... немного старше тебя и... в чём-то... вы даже похожи... наверное...

Я запнулся, вновь наткнувшись на противоестественность подобного сравнения.

– Наверное?.. – Майя уцепилась за это слово с неприятной для меня активностью – буквально выудила его из общего русла беседы. – Ты никогда не видел её, чтобы сказать точно?..

– Не в этом дело! – огрызнулся я, пытаюсь придумать наиболее подходящий ответ. – Нет, я видел её портреты, и... могу себе представить... Просто ты... Вот здесь, – я поместил ладонь в сантиметре над смятым покрывалом кровати. – А она – вот тут, – вторая моя ладонь

поднялась вверх почти на всю длину руки. – И разница... слишком велика, чтобы можно было просто... поставить вас рядом и сравнить...

– Ух ты, – девочка как будто бы обиделась на секунду, но вовремя взяла себя в руки и тут же парировала с лёгкостью взрослого оратора: – То есть вы готовы поставить вот тут, – она привстала, чтобы дотянуться небольшими пальчиками до моей поднятой ладони. – Человека, которого видели только на картинках?.. Она, должно быть, ну очень хорошая, да?

– Да, наверное, – я неловко кивнул, и тут же пожалел о том, что единожды сказанное уже нельзя вернуть назад.

– Наверное?.. – вновь переспросила Майя, странно поджав губы.

Мои руки бессильно упали вдоль тела.

– Она – наследница трона, – объяснил я, медленно теряя терпение. – И одного только этого достаточно, чтобы уважать Её Высочество и ставить её выше кого бы то ни было ещё. Понимаешь?

– Примерно, – девочка пожала крохотными плечиками. Она как будто бы перестала бояться меня. Совсем. И просто вела какую-то свою малопонятную для меня игру.

– Если тебе мало этого – подумай: мог ли недостойный человек внести свой вклад в создание этого великого труда?!

Мы оба, как по команде, перевели взгляд на толстую книгу, что по-прежнему лежала рядом. Но если моё лицо, как мне казалось, выражало каменное спокойствие и уверенность, то гримасу Майи едва ли можно было назвать свободной от сомнений.

– Ты не понимаешь?.. – медленно произнёс я. – Или не веришь?.. В чём дело?

– Я просто... – Майя издала задумчивый стон. – Не поняла... Где там читать записи этой Авроры?..

– Хватит называть её по имени! – я чуть не сорвался на крик, но всё же – ценой огромных усилий – смог сохранить подобие спокойного тона. – И... как можно было не обратить внимания?! Под каждым изречением минувших владык – во всяком случае, под большинством из них – есть небольшие комментарии Её Высочества!

Подхватив книгу, я попробовал открыть по памяти ту страницу, на которой должна была остановиться Майя и, со скоростью молнии пробежавшись взглядом по ровным строкам текста, продемонстрировал небольшую, но крайне внушительную сноску. Когда девочка принялась разглядывать нужную часть страницы под моим пальцем, всё внутри меня возликовало. Но воодушевлённая радость эта становилась всё слабее с каждой секундой: вопреки любым моим ожиданиям, в глазах Майи не появилось даже намёка на восторг, а тонкие брови её с каждым мигмом всё прочнее сходились на переносице.

И, когда ожидание уже готово было стать невыносимым, Майя вдруг посмотрела на меня снизу вверх и, будто бы извиняясь, тихонько промолвила:

– Да тут же нет никакой разницы...

– Что?.. – у меня просто не осталось других слов и сил для возмущения. Стало темно и пусто, как если бы целый мир вокруг меня вдруг провалился в бездонную пропасть. – Как же так?..

Протянув пару осторожных звуков, Майя виновато покачалась из стороны в сторону и продолжила осквернять своим мнением величайший труд всей имперской истории:

– Я думаю, это не она писала. То есть... не ваша Авр... Не её высочество...

Никогда прежде я не слышал, чтобы титул высокороденной Авроры произносили так буднично и пресно. Но это отходило на второй план в сравнении с тем, *что именно* посмела произнести Майя. То, *как* она это сделала – уже не играло никакой роли. Во всяком случае, для меня.

– Повтори, – попросил я куда слабее, чем намеревался.

– Ну... посмотри сам, – девочка обратилась ко мне напрямую. Так, будто мы были равны. И она допустила меня в свой круг общения – но никак не наоборот. И... я почувствовал себя ребёнком, выслушивающим нравоучения от старшего товарища. – Это ведь один и тот же заумный и непонятный язык... Глупые предложения, которые и произнесёшь-то не сразу, и эти трудные слова... Дети так не пишут. Я вот не могу это даже понять – а ваша императрица ведь не так уж и старше...

Я понял, что задыхаюсь. По целой сотне различных причин. На языке осталась всего одно сладкое обещание – «Я задушю тебя, маленькая мразь!» – но озвучивать его я не решился. Просто чуть нагнулся вперёд, чтобы проще было вцепиться в тонкую белую шею Майи, непредусмотрительно выставленную напоказ.

Чертовка совсем потеряла страх. Просто сидела там, в метре от меня, и смотрела с непониманием в огромных голубых глазах. Как будто бы из нас двоих именно я был абстрактной пародией на человеческое существо, возмнившей о себе невесть что!

– Именно это... – я прикрыл глаза, продолжая изрыгать сквозь стиснутые зубы пламя облеченной в слова ненависти. – Отличает Её Высочество... от подобных тебе!

Тяга к убийству подопечной постепенно шла на убыль, и я очень надеялся, что болтливая девчонка не посмеет распалить её вновь.

– И всё равно не она этот бред пишет, – пробурчала Майя себе под нос, и я приложил все усилия, чтобы убедить себя в том, что мне это лишь показалось.

Сначала Натали, теперь это малолетнее наказание... Будь я одним из глубоко верующих еретиков – то, несомненно, увидел бы в этом печать некоего мистического испытания!

Некоторое время мы провели в молчании, глядя по сторонам и стараясь не встречаться взглядами – оба вели себя как поссорившиеся дети, и если такое поведение Майи ещё можно было понять, то собственное чувство оскорбленной гордости нервировало меня ещё сильнее, чем всё случившееся вообще.

И тут желудок девочки, стреляющей по сторонам прищуренными глазками, вдруг издал утробный, скрипучий стон, расплзшийся по тишине тесной комнатки звуком боевого горна. Майя невероятно смутилась такому повороту – и едва заметным движением хлопнула себя ладошкой по животу – но юный организм был неумолим, и, не желая подчиняться ни мысленным, ни физическим приказам, вскоре вновь выдал заунывную песнь голода. Конечно же, щёчки Майи моментально загорелись рубиновой краснотой, и я вдруг понял, что не могу держать зла на это хрупкое маленькое чудо: она могла быть потерявшей страх бунтаркой и вредной выскочкой, могла даже желать мне смерти – но всё равно оставалась при этом обычным ребёнком. Таким же, каких были сотни и тысячи на территории великой Империи. И в этом, наверное, наши с ней народы действительно мало чем отличались.

Смирившись, я попробовал улыбнуться и задал осторожный вопрос:

– Голодна?..

– Вот ещё! – фыркнула Майя, отстраняясь. – Я могу не есть неделями! Или даже месяцами!

– Ничего себе! – я восхищённо присвистнул, ничуть не скрывая иронии.

– Тем более... – девочка замялась в нерешительности, оценивая основательность своей позиции. – Тем более что кормят у вас... отвратительно...

Последнее слово она произнесла почти неслышно, опасаясь, что оно может меня рассердить – и всё равно не желая от него отказываться. Упрямство моей маленькой гостьи действительно казалось безграничным – та не желала уступить даже в мелочах!

– Ну а что поделать, – я выдал спокойную ухмылку. – Империя на пороге войны. Вся роскошь осталась дома, а здесь мы обязаны поддерживать себя в хорошей форме – и потому едим только специально отобранные продукты...

– Без вкуса и цвета...

– Но зато с массой полезных свойств, таких как...

– Я не понимаю, – Майя насупилась. – Зачем тогда вообще идти в солдаты?.. Жить в этом шкафу, который вы называете комнатой, питаться помоями и убивать других людей?.. Что в этом хорошего?.. Ну, хоть что-нибудь?..

– Видишь ли... – я был разочарован очередной вспышкой горестных размышлений со стороны девочки, но постарался скрыть эти чувства за множеством внутренних замков. Это ведь был всего лишь ребёнок. Маленький глупый ребёнок. – Иногда человеку приходится забыть о собственном комфорте и трудиться во благо... Нет, во имя... В общем, ради чего-то большего, чем просто мягкая кровать и вкусный обед. Чего-то значимого.

– А ещё вас заставляют читать эту глупую книгу!..

– Прояви уважение! – прикрикнул я, сбившись с линии умиротворённого объяснения. – Эта книга, уж поверь, ничуть не глупее тебя!

– Значит, я вообще полная идиотка!

– Наверное! – подтвердил я, не сообразив сразу, что сыграл тем самым на руку несносной болтунье.

– Дурацкая книга!..

Потеряв контроль над собой, я негромко выругался. И тут же встретил изумлённый взгляд Майи – девочка определённо знала смысл оброненного мною слова, но едва ли часто слышала, как его произносят вслух. Тем более, с таким чувством и выражением. На пару мгновений я стал для гостыи чем-то вроде нового божества, носителем запретного знания и дерзким нарушителем всех родительских заповедей.

– Ух ты, – не удержалась Майя, взирая на меня с подобострастием и лёгкой опаской. – Если бы я хоть когда-нибудь сказала что-то подобное при родителях... Крик стоял бы до самой ночи, точно говорю...

С одной стороны, меня устраивало то спокойствие, с которым Майя научилась говорить о потерянном доме, но с другой... Я всё равно чувствовал себя лишним всякий раз, когда она упоминала своё прошлое. Мы как будто бы существовали в двух совершенно разных мирах – и не готовы были принять их равноценность.

– Ешь, – я кивнул в сторону принесённого с кухни свёртка, что покоился на прикроватной тумбе. – И возражения не принимаются.

Майя намеревалась сказать что-то в ответ – что малоприятное и по обыкновению дерзкое – но всё же сдержалась и с театральным безразличием потянулась к коробке с армейским пайком. Но не успела она даже ознакомиться со скучным на вид содержимым, как в дверь вдруг резко постучали – и почти сразу же, без труда миновав электронный замок, в комнату вошёл командир отряда чистильщиков. И силуэт Кирилла, кажущийся неброским и чуть размытым на фоне блеклого дверного проёма, сейчас внушал наравне с обычным благоговением и что-то ещё... Тревогу. Беспокойство. Предвкушение.

– Значит, ты всё-таки тут, Марк! – начал командир с порога. – Неужели для тебя нужно было приготовить какое-то особое приглашение? Мы не в школе, чтобы вызывать родителей за опоздание! У нас тут, если ты не заметил, как бы война...

Я вскочил с кровати и вытянулся по струнке, не представляя, чем мог вызвать столь ярое неодобрение со стороны Кирилла.

Смерив меня оценивающим взглядом, мрачный гость задумчиво кашлянул и заговорил уже чуть спокойнее:

– Быть может, тебе не сообщили, что я назначил собрание нашей группы?..

– Нет, – ответил я, стиснув кулаки. – Не сообщили.

– Значит, в следующий раз, как увидишь свою подружку-механика – повыдёргивай ей ноги. Только с руками не перепутай – они нам ещё пригодятся.

Я непонимающе посмотрел на Кирилла, и в глазах того проскользнули холодные стальные отблески.

– Мы с ней пересеклись в ангаре, – начал объяснять он, презрительно скривив губы. – С этой темнокожей полукровкой. Вы же с ней в хороших отношениях, да?

– Как сказать, – я безрадостно хмыкнул.

– В любом случае, она получила прямой приказ – проинформировать тебя о военном собрании... Но пренебрегла им. И если ты не накажешь её за это – то накажу я. А вам обоим, поверь, это совершенно не понравится...

Натали... Как она вообще додумалась пойти против Кирилла?.. Человека, которому ничего не стоило растоптать её на месте вместе со всем инженерным отделом?.. И тут же набрать новых молодых специалистов так, словно ничего и не происходило...

– Я... обязательно позабочусь... об этом, – мне нелегко дались эти слова. Брать на себя ответственность за чьё-либо наказание было непросто – тем более, что я не желал Натали зла. Даже после этого глупого происшествия.

– Да. Будь так добр, – Кирилл чуть запрокинул голову, чтобы посмотреть на меня будто бы сверху вниз. Вышло не так внушительно, как он, наверное, планировал – но всё равно пробирало до костей. – И возблагодари Императора за то, что он даровал тебе в руководство не какую-нибудь помешанную на правилах крысу, а доброго и ласкового меня...

Я поёжился, чувствуя, как мало добра и ласки было в этих словах.

– Догадаешься, о чём шла речь? – впервые с начала разговора на губах Кирилла появилось подобие обычной усмешки.

– Ты дважды упомянул войну, – произнёс я, почти не двигая онемевшим от сухости и страха языком. – Хотя до этого прежде ещё не доходило...

– Именно, – командир довольно осклабился. – Наша кампания, наконец, сходит с мёртвой точки... Удивительно, что для этого пришлось выжечь дотла половину восточных территорий этой грязной страны – но теперь-то всё будет иначе... Никаких больше ночных вылазок. Никаких тайных ударов. Они готовят силы, чтобы дать нам отпор – и мы примем вызов открыто.

– То есть?..

– Просто пойдём и сравняем их армии с землёй, – казалось, Кирилл сходил с ума по звуку собственного голоса, озвучивающего эту фразу. Он тянул каждое слово так, словно произносил его впервые в жизни – и искренне наслаждался этим. – Ударим прямо и наверняка. Прежде, чем они даже успеют приготовиться.

– У вас... У нас уже есть план? – я подался вперёд, заразившись возбуждением командира.

– Да, – Кирилл коротко кивнул. – Можно сказать и так.

Я собирался спросить о чём-то ещё, задать следующий важный вопрос, как вдруг осёкся, прерванный громким хрустом, что раздался из-за спины. Резко обернувшись, я обнаружил там, в самом углу кровати, растерянную Майю с преломленной палочкой сушеного хлеба в руках. Судя по всему, она жадно уплетала принесённую мною еду с того самого момента, как Кирилл ворвался в помещение, но только сейчас – и то случайно – привлекла к себе внимание...

Я всем телом подался в сторону, надеясь перехватить взгляд Кирилла, но не успел – командир уже склонил голову вправо и разглядывал мою подопытную с пугающим любопытством: он будто бы наблюдал за поведением редкого зверька в зоопарке, или же исследовал поведение новой подопытной мыши.

– Надо же, – произнёс Кирилл, кажется, совершенно позабыв о своём боевом азарте. – Я и не думал, что ты всерьёз оставишь *это* здесь... Удивительно. Но, впрочем, такой поворот событий объясняет царапины на твоей шее.

Мои ладони сами собой дёрнулись вверх, к горлу, и лишь ценой больших усилий я смог совладать с их нервной дрожью.

– А кто у нас тут? – нацепив поистине дьявольскую улыбку, командир отряда чистильщиков шагнул ближе и чуть выглянул из-за моего тела, обратившегося, как мне казалось, в недвижимый соляной столб. – Маленькая принцесса. Голодная, как я посмотрю...

Вздвигнув от ужаса, Майя быстро закинула палочку сухаря обратно в коробку и, чуть не подавившись, принялась отталкивать ту в сторону неловкими движениями ног.

– Не бойся, – Кирилл попробовал сдвинуть меня со своего пути, но я сделал вид, что не заметил этого. – Я не причиню тебе вреда... Скажи, кроха, ты хорошо себя чувствуешь? Этот дядя тебя не обижает?..

Девочка быстро замотала головой, и я, даже глядя на неё искоса, заметил, как быстро начал растворяться её страх в потоках неконтролируемой, бешеной ненависти.

– Значит, ты всё-таки веришь в какое-то будущее, а? – низкий голос командира заполнил собой всё помещение, и, как мне показалось, от его тропической духоты весь металл в комнате должен был моментально покрыться ржавчиной. – Надеешься чего-то добиться в Империи? Среди нормальных, полноценных людей? Как мило. И как наивно с твоей стороны. Но ты скажи. Скажи же мне, маленькая принцесса... Чем ты хотела бы заняться в новой жизни?..

Сердце в моей груди замерло и сжалось. Лёгкие обожгла боль скованного воздуха.

– Книга, – совсем тихо отозвалась Майя, глядя на Кирилла исподлобья. – Я книгу напишу...

– Книгу, значит?.. – Кирилл казался несколько озадаченным, но я, в отличие от него, моментально разгадал, к чему вела дурная девчонка. – Интересно, какую же?.. И с чего ты взяла, что у тебя непременно получится?..

– Ну... – Майя принялась шумно дышать, балансируя на острие всепоглощающего ужаса, но, как и прежде, даже не подумала о мудром отступлении. Просто дала себе время, чтобы собраться с силами, разогнаться, и с вызовом выпалила: – Не думаю, что в написании глупых книг есть что-то сложное. Ведь у этой вашей восхваляемой принцессы получилось – значит, и у меня...

Рука Кирилла выстрелила атакующей змеей. Ушла на замах и бросилась вперёд почти неразличимо для глаза, но я, изогнувшись всем телом, всё же успел сцепить пальцы на запястье командира и сжал их так, что вся ладонь побелела до самого основания.

Майя взвизгнула и поспешила вжаться в уголок, пряча лицо.

– Не надо, Кир! – резко произнёс я, пытаюсь поймать пылающий адским пламенем взгляд командира. – Оно того не стоит! Хватит! Слышишь?.. Это всего лишь маленькая девочка! Она сама не понимает, что говорит!..

– Не понимает?.. – уничижающий взгляд Кирилла буквально обжог моё лицо. – Тогда тебе же лучше будет объяснить ей всё. Как можно понятнее, – последние слова он буквально сплюнул мне в глаза, и, одёрнув руку, тут же развернулся на месте. Чтобы бросить уже через плечо: – Транспорты отправляются через полчаса. Готовься. Следующая остановка будет уже в зоне боевых действий.

«В зоне боевых действий», – сказал он. Слово в слово. Как будто бы всё, что было до этого – разоряемые деревни, выжигаемые под ноль популяции местных жителей – вообще никак не относилось к войне и служило чем-то далёким от фронтовых дел. Лёгкой расслабляющей разминкой, если угодно.

Я не мог этого принять.

И оказался меж молотом и наковальней идеологий: с одной стороны меня всё сильнее давило пренебрежение к жизни, источаемое чересчур рьяными последователями Императора, а с другой – накатывала бессмысленная, но от этого не менее раздражающая убеждённость инородцев вроде Натали и Майи в том, что выбранный моей родиной курс близок скорее к бесчеловечному удовлетворению чьих-то амбиций, нежели праведной борьбе ради высоких убеждений. И обе, обе этих крайности были мне одинаково противны! Я просто хотел сражаться

ради Её Высочества Авроры и доблестью своей заслужить славу Империи! Для этого вовсе необязательно было ровнять с землёй целые поселения или проявлять чудеса лицемерной благотворительности!

Я проводил Кирилла тяжёлым взглядом. И, наверное, бросил бы какое-нибудь оскорбление ему вслед – потому что начинал уставать от этого большого фанатизма – но изо всех сил постарался сдержать этот деструктивный порыв. Ведь Натали была тысячу раз права: из гордых военнослужащих под началом Кирилла мы превратились в грязных наёмников, которые могли запросто оскорблять друг друга, угрожать расправой и смотреть на субординацию сквозь пальцы. Возможно, отчасти это упрощало нашу работу – но, с другой стороны, отягчало её безмерно с моральной стороны. Мы теряли себя. Низвергались к инстинктам. А я такой участи себе не хотел.

Хотя, если кого и следовало винить в произошедшем – то только Майю!

Издав раздражённый рык, я повернулся к девочке и попробовал разыскать в переплетении её трясущихся рук, волос и слёз блеск пары перепуганных глаз.

– Ты с ума сошла?! – проорал я, не заботясь о том, что кто-нибудь ещё мог это услышать. – Думаешь, это так просто – ходить по лезвию и каждый раз оставаться невредимой?! Этому человеку... – я, задыхаясь, указал большим пальцем на дверь за своей спиной. – Ему ничего не стоило просто пустить тебе пулю в голову. Прямо здесь, в моей комнате. У моей кровати. Ты понимаешь? Понимаешь это?!

Майя несколько раз быстро кивнула.

– И он убьёт тебя. Убьёт, не сомневайся! Просто позволь себе ещё хоть одну глупость – и тебе конец! Нам обоим, если он решит, что я мог бы выдрессировать тебя лучше!..

Я так и сказал – «выдрессировать»?.. Удивление вонзилось в мой затылок толстым ледяным копьём, пройдя голову насквозь, но, обнаружив во взгляде девочки потусторонний страх перед выбранной интонацией, я предпочёл избежать исправлений. Достаточно было и того, что Майя вздрагивала от каждого моего слова. Так было вернее.

В последний раз грозно взглянув на свою подопечную, я было посчитал разъяснительные работы выполненными, как вдруг разобрал едва слышное бормотание, как будто бы исходящее из уст девочки. Нагнулся ближе, желая убедиться в своих догадках, и разобрал нечёткое «... было бы лучше...» там, где не хотел слышать вообще ничего.

– Ещё раз, – негромко потребовал я, подбираясь ближе.

Майя, крепко сжав губы, лишь мотнула головой в ответ.

– Повтори, – произнёс я чуть громче.

– ...чше бы... ..ли... я... – подёрнутая неразличимым шепотком тишина казалась ледяной.

– Отчётливее. Так, чтобы я понял.

– Было бы лучше, если бы я умерла, – послушно отозвалась Майя, прячась ещё глубже в скорлупу перепуганной обречённости. – И ты тоже... Вы все... чудовища...

– Вот как?.. – я сцепил пальцы, чтобы сдержать самого себя от необдуманных, продиктованных мгновенной яростью действий.

– Я не просила меня спасать... И не хотела такой жизни... Ты сам...

– Неблагодарная маленькая мразь! – я выкрикнул это прямо ей в макушку – лицо было слишком надёжно спрятано за барьером из ладоней и коленок. – Ты думаешь, мне по нраву нянчиться с тобой, дожидаясь очередного удара в спину?!

– Тогда зачем?.. – внезапный вопрос Майи, пришедший ниоткуда, точно удар кинжалом меж пластин прочнейшей брони, заставил меня отшатнуться. – Зачем я тебе нужна?.. Зачем нам обоим... эта... пытка?..

Меня как будто бы окатили целым ведром ледяной воды. Пронизывающий, покрывающий тело множеством крохотных укулов холод отбросил меня ещё дальше – почти к самому

краю кровати – и оставил в опустевшем сознании единственную простую истину: у меня не было ответа на заданный Майей вопрос. Не было. Я сам не понимал – зачем держался за неё. И почему готов был держать её близ себя даже против её собственной воли.

Но... Неужели я мог так вот запросто признаться в собственном бессилии? Взять и сообщить, что у моей игры в дочки-матери нет вообще никакой конкретной цели... Нет, это было выше моих сил. И потому я просто молчал. Очень долго и сосредоточенно, дожидаясь, когда единственно верный ответ просто возьмёт и снизойдёт на нас обоих сверху. От Императора, Её Высочества Авроры или этих вымышленных богов – будь их там пять, десять или все двадцать штук – я был бы рад любой подсказке. Но был оставлен наедине с собой. И Майей.

Спустя некоторое время – сложно сказать, какое в точности – та заговорила первой:

– Ты хочешь сделать меня своей женой?..

– Что?.. – я не сразу сообразил, что вообще подразумевала девочка.

– Ну... В книгах страшные разбойники обычно увозят принцесс в свои пещеры, чтобы сделать их своими жёнами. Те сначала очень грустят, скучают по дому – а потом влюбляются в разбойников и...

– Сами становятся разбойницами? – с мрачной иронией закончил я.

– Нет же, глупый, – Майя грустно усмехнулась. – Принцессы остаются принцессами...

У них работа такая...

– Не собираюсь я на тебе жениться. Ты маленькая и грубая... И далеко не принцесса...

Но хоть в чём-то ты да угадала – я, наверное, кажусь настоящим разбойником...

– Это точно, – подтвердила девочка без ожидаемой язвительности. – Настоящий бан- дит...

Я тяжело вздохнул, одновременно радуясь и удручаясь столь неожиданной перемене настроения в разговоре. Наверное, мне не хватало какого-то толчка в нужном направлении, чтобы прийти к согласию с самим собой, и, всякий раз избегая болезненных тем, я мог лишь мечтать о психологической от них свободе.

– В любом случае, – я неопределённо пожал плечами. – У нас не так уж много времени осталось до выезда, а мне ещё нужно решить кое-какие дела в ангаре. Так что я отойду, а ты просто дождись меня здесь... Только без глупостей, хорошо?..

По-прежнему скрывая личико, Майя легонько кивнула, и я, с тяжёлым сердцем, но свободной головой, покинул кажушуюся вековым ледником сомнений комнату.

До самого отправления я так и не смог найти Натали – хотя по несколько раз обошёл все её излюбленные места, тайные ниши и укромные уголки, в которых девушка обычно коротала свободные от инженерных работ дни и ночи. Но та как будто бы нашла себе с десяток новых обзорных точек – или же просто избегала встреч со мной всеми доступными возможностями, наблюдая, обходя и всякий раз оставаясь в недосыгаемости. Несколько раз занятые ремонтом мобильной брони рабочие подсказывали мне направление, в котором следовало искать их начальницу – но я так и не смог ни разу даже приблизиться к Натали. И... Сложно сказать, зачем вообще я искал её – может, чтобы поделиться своими тревогами, а может, для выставления претензии за то, что отданный ей приказ Кирилла остался без внимания... Не знаю. Мне просто хотелось увидеть её ещё раз. Услышать звук её голоса и, быть может, узнать ещё что-нибудь о том мире, в котором жила чернь за пределами Империи. В этом... было что-то увлекательное, стоит отметить. Что-то захватывающее дух, точно бездна, готовая в любой момент раскрыть свои воздушные объёты.

Я хотел увидеть Натали. Но не смог. Не нашёл её. И не смог обнаружить девушку даже после того, как по тяжёлому транспортнику пронёсся сигнал к отправлению и внушительная часть экипажа, следуя предписаниям, укрылась в своих тесных каютах.

Затрясся под моими ногами пол. Задрожали в своих глубоких пазах стойки для доспехов «Возмездие». И откуда-то снизу, словно бы из самой глубины земных чертогов, раздался утробный, несдержанный рёв. Пришло в движение бесчисленное множество механизмов, пробуждающих к жизни связку исполинских двигателей, заходили из стороны в сторону поршни, каждый из которых превышал в размерах рост и ширину взрослого человека, и грузовик, отдав последний предстартовый сигнал, тронулся со своего места. Весь ангар содрогнулся, когда проснувшийся от дрёмы титан начал своё движение, и на этот миг меня окружила полнейшая, сосредоточенная тишина – немногие оставшиеся инженеры отложили на время инструменты, дожидаясь, когда придут в действие системы точной балансировки, и во всём мире остался только рокочущий грохот под ногами, от которого, казалось, само небо могло бы рухнуть со своего возвышенного трона.

Но Натали так и не появилась в ангаре. Ни сразу после запуска двигателей транспорта, ни через десять минут, ни через полчаса. Её было бесполезно искать – внутренности огромной машины изобиловали тайными лазами, о которых могли знать только профессиональные механики – и не имело смысла ждать на одном месте. Иначе мы с Натали давно пересеклись бы в самом сердце её рабочей зоны. Она просто не хотела меня видеть, и я, разочаровавшись в своих надеждах, молча покинул вновь наполняющийся звуками ремонтный док.

Где-то снаружи, изрыгая потоки дыма и грохоча тяжёлыми сочленениями, ползла по чужой земле воплощённая в металле военная мощь Империи, под чутким руководством небесной крепости движущаяся, точно стая ленивых голодных волков, к единственной цели. Без точных военных порядков или передвижных оборонительных рубежей – под защитой «Авроры» обозам нечего было опасаться – огромная армия двигалась с максимально доступной скоростью, сдерживаемой разве что потугами самых медленных боевых единиц, и в считанные недели готова была развернуть новый фронт, уже под самым носом у готовой принять забвение Республики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.